
Андрей Троицкий
РАСКРУТКА

Майор Девяткин

Андрей Троицкий

Раскрутка

«Автор»
2008

Троицкий А. Б.

Раскрутка / А. Б. Троицкий — «Автор», 2008 — (Майор Девяткин)

ISBN 978-5-386-00685-3

Перу Андрея Троицкого принадлежат первые русские культовые произведения «Бумер» и «Бумер-2», имевшие оглушительный успех по всей России.Сейчас вы держите в руках его новый остросюжетный роман, который читается на одном дыхании и не оставляет равнодушным никого. Книга, где два главных героя занимаясь решением одной задачи, не только ни разу так и не встретились, но даже не подозревали о существовании друг друга.Каждая страница – захватывающий сюжет, каждая строка – авантюра, все вместе – загадка, для раскрытия которой одного героя мало…

ISBN 978-5-386-00685-3

© Троицкий А. Б., 2008
© Автор, 2008

Содержание

Глава первая 5
Глава вторая 12
Глава третья 19
Глава четвертая 26
Глава пятая 34
Глава шестая 43
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Андрей Борисович Троицкий
Раскрутка

Глава первая

С утра пораньше Диму Радченко вызвал в кабинет хозяин адвокатской фирмы Юрий Семенович Полозов. Дима плелся по длинному коридору на ту половину, где сидит начальство, гадая про себя, какая муха укусила Полозова, который встречался с адвокатами не чаще двух-трех раз в месяц, и непременно после обеда.

В кабинете начальника Радченко разложил на столе папки с бумагами и собрался с мыслями, пока босс трубил в телефонную трубку. Закончив разговор, Юрий Семенович, одетый в летний костюм и шелковый галстук в оранжевую полоску, вышел из-за стола и показал в улыбке ровные зубы, напоминающие белый забор. Он с чувством тряхнул руку подчиненного и даже похлопал его по плечу. Таких почестей Радченко удостаивали всего несколько раз, когда в судах он с блеском выигрывал заведомо проигрышные дела. Значит, предстоящий разговор не сулил ничего хорошего.

– Я просмотрел, чем ты сейчас занимаешься, – присев напротив, за стол для посетителей, Полозов положил перед собой большой почтовый конверт, постучал по нему кончиками пальцев. – В основном рутина, быт. С такими вопросами разберется безграмотный и безмозглый адвокат, назначенный государством. А тебе, старшему партнеру адвокатской конторы, копаться в этом навозе – только терять квалификацию. Сейчас же передашь дела Епифанову. Для тебя есть кое-что поважнее.

– Я просто партнер, – вставил Дима. – Не старший. Просто – партнер.

– Вот как? – удивленно вскинул брови Полозов. – А я почему-то решил… М-да, упустил из виду. Это моя вина, Димыч, извини. Тебе сколько лет?

– Тридцать шесть скоро стукнет.

– Для настоящего адвоката возраст младенческий. И все же пора подумать о твоем повышении. И хорошая премия будет не лишней, а?

Он достал из кармана записную книжку в переплете змеиной кожи и золотым карандашиком нарисовал какую-то бесполезную загогулинку. Радченко убрал папки с бумагами в портфель и заскучал. Так и есть: в этот конверт, что лежит на столе, начальник положил нечто такое, отчего надолго пропадет сон, праздники превратятся в будни, а светлый день в темную ночь. Разговоры о повышении, о продвижении, о служебном росте, стремительной карьере и солидной премии начинались в те минуты, когда на Радченко вешали тухлое дело.

– Короче, для тебя есть работа, совершенно особое деликатное поручение, – Полозов сделался серьезным, – я двое суток подбирал кандидатуру и сделал окончательный выбор.

– Спасибо, – промямлил Димыч.

– Тут нужен человек молодой, но уже с опытом. Настырный, умеющий доводить все до конца, не наложить в штаны в минуту опасности. И главное, надо держать язык за зубами. Я не буду долго распинаться о нашей фирме, ведь ты не пришел ко мне наниматься младшим юрисконсультом. Ты знаешь, с кем мы работаем, какие берем дела и все прочее. Репутация – вот наш главный актив. А репутация у нас безупречна. Но это дело, оно немного того… С душком. Я долго думал. Были сомнения, брать его или вежливо отказаться.

Адвокатская фирма свалилась в руки Юрия Семеновича, как зрелый плод с яблони, когда ее прежний хозяин Саморуков отошел от дел, передав контору в доверительное пользование Полозову, а позже продал свою долю. Саморукова лечили в лучшей швейцарской клинике, но передовая медицина, выставив вдове покойного астрономический счет, отсту-

пила на заранее подготовленные позиции. Вот уже более года Полозов владел конторой единолично. Он в отличие от неисправимого либерала Саморукова обладал волчьей хваткой, всегда держал нос по ветру и сумел привлечь много клиентов, давно потерявших счет своим деньгам. За дела «с душком» он брался только в тех случаях, когда запах больших денег перебивал все остальные запахи.

– Мы часто отказываемся от выгодных предложений только потому, что они кажутся сомнительными. И это дело, – Полозов постучал пальцами по конверту, – может показаться тебе немного странным. Но когда ты разберешься в его сути, поймешь: миссия у тебя благородная. Надо защитить хорошую женщину и спасти ее репутацию. Певица Ольга Дунаева, слышал? Кстати, Дунаева – псевдоним нашей героини. По жизни она Петрушина.

Радченко выразительно поморщился.

– Что, не твой вкус? – усмехнулся Полозов. – Эстрадный стиль, попса? Слишком пошло, низко и даже вульгарно? Тебе бы Джими Хэндрикса или на худой конец «Криденс»? Угадал? Но разговор не о наших музыкальных вкусах. Речь идет о чести человека, прекрасной умной женщины, возможно, даже о ее жизни.

Полозов продолжал изъясняться высоким штилем, а Дима гадал про себя, сколько денег слупил его шеф с этой эстрадной звезды. Наверняка вскрыл ее на всю наличность, выпотрошил легко и элегантно. А Дунаева еще спасибо говорила и вытирала глаза платочком. Полозов всегда находит свой единственно верный подход к людям – ключик к их сердцам, бывает красноречив и убедителен, когда видит наличность. Но, если позабыть о довольно прохладных отношениях с начальником, Полозову надо отдать должное – он знает свое дело. Иначе не сидел бы в этом кресле. Покойный Саморуков, продавая свой бизнес этому человеку, не ошибся. Старик вообще редко ошибался в людях.

– Димыч, проснись, – Полозов нахмурил брови, – а то…

– Я вас слушаю. – Радченко постарался придать своей физиономии осмысленное выражение. – Это у меня манера такая: глаза закрывать, когда задумываюсь.

– Странно. Раньше не замечал за тобой таких ужимок. Ладно, проехали. Итак, все началось одним прекрасным утром. Известная певица и привлекательная тридцатипятилетняя женщина проснулась в своем новом загородном доме, особняке дворцового типа. Обустройством гнездышка она вместе с мужем занималась целый год и немного устала, поэтому решила устроить себе выходной день. Муж уехал в город по делам, семилетний Максим еще спал. А бдительная няня караулила его чуткий утренний сон. Никаких дел на горизонте. Она отдернула занавески и увидела прекрасное весеннее утро, восходящее солнце над полосой леса, лужицы, еще схваченные корочкой льда, стволы березок… Дунаева выпила кофе в столовой и поднялась в кабинет мужа. Подошла к стеллажам с книгами и переставила с места на место пару деревянных статуэток, купленных в Японии.

– Именно японских? – усмехнувшись, уточнил Радченко.

– Именно, – с достоинством кивнул Юрий Семенович. – По большому счету, это не имеет значения, японскими были те фигурки или китайскими. Я просто горжусь тем, что у меня прекрасная память на мелочи, профессиональная. Хотя бумаги из этого конверта я читал всего один раз. Итак, наша клиентка занималась в кабинете какой-то чепухой. А потом села к компьютеру, подключилась к Интернету и открыла почтовый ящик, куда попадают письма поклонников. Она хотела прочитать какую-нибудь приятную чепуху: «Ваши песни дарят мне надежду и силы радоваться своей судьбе, гордиться своими близкими» и так далее. Дунаева нажала кнопку клавиатуры. И все. На этом закончилась прежняя налаженная, счастливая жизнь хорошего человека и начался кошмар, похожий на страшный сон, который длится несколько месяцев и не думает кончаться, а только набирает силу.

Полозов остановился, вытащил из деревянной коробки тонкую сигару, прикурив от настольной серебряной зажигалки, пустил к потолку струйку дыма и вопросительно посмотрел на подчиненного. Дима сказал те слова, которых от него ждал начальник.

– Да, вы меня заинтриговали. Без дураков.

– Тогда попробуй угадать, что было в почтовом ящике.

– Письмо, разумеется, что еще там могло быть. С угрозами. Скорее всего, это шантаж. Какой-нибудь подонок угрожал обнародовать интимные фотографии Дунаевой. У нее наверняка была связь на стороне. Даже не связь – так, легкое увлечение. С любовником она давно порвала, почти забыла его. А фотографии остались. Потому что этот малый – сообразительный сукин сын. В точку?

– Ну, не совсем. Только по части фотографий. Для классного юриста, который специализируется на уголовных делах, ты мыслишь слишком шаблонно, схематично. В почте действительно оказались три черно-белые карточки. Труп молодой женщины. Тело лежало на земле, к коже прилипли сосновые иголки. Одежда разорвана в клочья, несколько ножевых ранений в грудь и живот, горло перерезано. Фотографии сопровождала короткая подпись: «Наверное, она сильно мучилась перед смертью. Как думаешь?» Вот так, Дима… Остальное узнаешь из этих документов.

Он передал увесистый конверт Радченко и добавил:

– Тут рассказ Ольги Петровны Дунаевой, ее предположения, догадки и много чего еще. Плюс досье, которое наши детективы собрали на певицу, а также на ее супруга Гвоздева Анатолия Васильевича, бизнесмена. Впереди у тебя день, чтобы просмотреть бумаги, еще день, чтобы составить план действий. А послезавтра к шести вечера эстрадная звезда ждет тебя в своем загородном доме. Она готова ответить на все вопросы. А я рекомендовал тебя с самой лучшей стороны. Перехвалил, как всегда.

– У вас золотое сердце, – с кислой улыбкой ответил Радченко.

– В пятницу ты придешь в этот кабинет, переполненный новыми идеями. Усек? Кстати, Димыч, я тебе завидую. Меня вот певицы в гости не зовут. Мордой не вышел и вообще… Проклятый возраст. Больно сознавать себя лежалым товаром, который не пользуется спросом. Но ты – другое дело. Романтический мачо. А Дунаева твоя ровесница, очень сексапильная особа. Но ты в гостях не забывайся. Хотя бы при первой встрече не дай затащить себя в койку. Держись гордо, даже надменно. Мол, я себе цену знаю, а певицы, манекенщицы и балерины на меня пачками вешаются. Едва успеваю их отшивать.

Полозову так понравилась собственная шутка, что он засмеялся.

* * *

– Вот так я ударил… – Игорь Перцев выбросил вперед тяжелый кулак и застыл с вытянутой рукой. – Прямой в верхнюю челюсть. И продавец слетел с катушек.

Следственный эксперимент с выездом на место проходил в душном и тесном строительном вагончике, приспособленным под магазин. Майор убойного отдела Юрий Иванович Девяткин глянул на следователя прокуратуры, юриста третьего класса Леонида Ефимова, заполнявшего протокол, и двух свидетелей, женщин – продавцов дневной смены, безмолвно стоявших по эту сторону прилавка. Женщины были напуганы и глядели на Перцева так, будто он, спустя два месяца после расправы над их коллегой, продавцом Рафиком Айвазяном, вернулся сюда, чтобы поубивать остальных работников магазина.

– Давай дальше, – сказал Девяткин. – Что ты сделал, когда ударил продавца?

– Я запер входную дверь изнутри, – сказал Перцев. – Перелез прилавок и забрал выручку из кассы. Деньги рассовал по карманам.

– Показывай, – приказал Девяткин.

Перцев перебросил ногу через прилавок и, оказавшись с его внутренней стороны, шагнул к кассе.

– Сколько денег ты взял? – Ефимов поправил очки в золотой оправе.

– Я не считал. Не до того было.

Перцев задумался, потер запястья. Только что с него сняли браслеты, чтобы он показал, как все случилось тем мартовским вечером, когда он сошел с электрички, отмахал пару километров от станции и оказался здесь, на дальней улице подмосковного городка. С одной стороны стояли желтые пятиэтажки жилых домов и корпус механического техникума, с другой – тянулся забор, за которым ржавели гаражные боксы, предназначенные под снос. По словам Перцева ругаясь последними словами, брел вдоль забора и прикидывал, в каком доме живет та бабенка, случайная знакомая, которая назначила ему свидание вчера в московском кафе «Парус». Да вот беда, бумажка с адресом той особы вывалилась из кармана. Перцев не запомнил ни телефона, ни номера дома. Только название переулка – Строительный и номер квартиры – десятая.

Уже гасли огни в окнах, он прошел улицу до конца, развернулся и потопал обратно. Что делать дальше, Перцев еще не решил. Домов в Строительном переулке – дюжина. Если заходить в каждый и звонить в десятую квартиру… Попробовать можно, но сначала бы неплохо промочить горло, чтобы согреться. В электричке по дороге сюда он махнул чекушку водки, но хмель уже выветрился. Перцев остановился возле строительного вагончика, поднялся по ступенькам вверх и толкнул дверь. Посетителей – никого, продавец Айвазян, сидел на стуле и листал вчерашнюю газету. При появлении покупателя отложил чтиво и поднялся на ноги. Решение созрело в бедовой голове Перцева за две-три секунды. Продавец не успел раскрыть рот, как оказался на полу с разбитой физиономией.

– Я заглянул в подсобку, вот в эту дверку, и увидел ящики с консервами, – сказал Перцев. – Это заняло всего несколько секунд, а когда я повернулся, продавец уже стоял на ногах. Он держал над головой увесистый топор. Он сделал шаг ко мне. Места тут немного.

– Совершенно верно, – кивнул следователь прокуратуры. – Полезная площадь торгового павильона ограничена.

Он снова склонился над бланком протокола, лежавшим на прилавке. Следователь прокуратуры был молодым парнем, это одно из первых убойных дел, что ему достались. Ефимов держался с достоинством и в синем форменном мундире, пошитом на заказ в ведомственном ателье, выглядел очень торжественно, как свадебный генерал. Он знал, что темно-синяя форма ему к лицу, она придает солидности и значительности, поэтому надел мундир, а не штатский костюм. Девяткин отошел к окошку и присел на стул, наблюдая, как, перекурив, направились к казенной «Волге» два оперативника с Петровки, приехавшие вместе с ним. Конвойные, доставившие сюда Перцева, спасаясь от дождя, спрятались в фургон ЗИЛа, в котором перевозили арестантов. И сейчас наверняка режутся в карты, дожидаясь, когда закончится эта байда и они, заковав подследственного в наручники, полетят обратной дорогой в родную тюрьму.

Ефимов строчил протокол. Продавщицы в застиранных халатиках, понурившись, стояли у двери. В эту секунду необъяснимая тревога облаком набежала на душу Девяткина. Показалось, что где-то рядом, совсем близко, его подстерегает смертельная опасность. Откуда появилось это чувство и куда пропало – не понять. Девяткин решил, что волноваться не о чем, ситуация под контролем.

– У меня не было выбора, – оживленно жестикулируя, говорил Перцев. – Вопрос стоял так: или он, или я. И на размышления – пара секунд, не больше. Когда рука с топором пошла вниз, я перехватил ее в запястье. Вот так… В левой руке я уже зажал самодельный нож.

Перцев показал, как именно перехватил руку продавца. Ефимов, расчехлив цифровой фотоаппарат, сделал несколько снимков, задал пару уточняющих вопросов и снова стал

фотографировать Перцева. Продавщицы переглядывались, они живо представляли себе картину расправы, – и становилось страшно. В эту минуту бабы твердо решили писать заявления по собственному. Не ровен час в магазин ввалится еще один такой вот Перцев с ножом в кармане и тогда… Господи, спаси.

– Я ударил первым, под сердце. Клинок вошел легко, как в масло. Попал между ребер. Тогда этот малый выронил топор, осел на пол и повис на мне. И я нанес второй удар, в горло. Сбоку. Вот так… И все было кончено.

Перцев перевел дух и вытер ладонью выступившие на лбу капельки пота.

– Только запишите, что умысла калечить продавца, тем более убивать его я не имел. Лежал бы он себе спокойно, а не хватался за топор – и цел бы остался. Я защищал свою жизнь. Так и запишите.

– В момент убийства на вас были перчатки?

– Холодно, я их не снимал, когда вошел в этот сортир. Ну, то есть в магазин, – сказал Перцев.

– Ваши дальнейшие действия?

– Я хотел уйти, но тут вспомнил о ящиках с консервами, что лежали в кладовке. Короче, в ту пору я сидел на мели. Каждую копейку считал. А тут столько добра. И я подумал: почему бы не прихватить пару ящиков? Те, что подороже. Консервы – те же деньги. Сам не съешь, так двинешь кому. Я покопался в карманах потерпевшего. Вытащил связку ключей. В ящике прилавка нашел плоский фонарик. Наверное, тут часто отключали свет, вот и держали под рукой эту хрень.

– То есть фонарь?

– Совершенно верно, – кивнул Перцев. – Фонарь. Я запер изнутри входную дверь и погасил свет. Еще минут десять копался в кладовке, выбирал что получше. Но, как назло, попадался один мусор. Всякая килька в томате и прочая мура. Да еще фонарик совсем дохлый. Минут десять рылся. Наконец нашел говяжью тушенку и сардины в масле, прибалтийские. Открыл заднюю дверь, ящики – на плечи. И спустился по лесенке вниз.

– Ты заранее наметил, где спрячешь ящики?

– Нет, поначалу хотел поймать тачку. И двинуть к Москве. А потом, когда спустился, увидел дыру в заборе. Я заглянул в проем. Там старые брошенные гаражи. Шел дождь со снегом. Я подумал, что к утру следов не останется. Ящики можно спрятать поблизости. Ни одна собака не найдет.

* * *

Девяткин думал о том, что прокуратуре не терпится закрыть дело об убийстве продавца, которое неделю назад казалось бесперспективным. Поэтому Ефимов не обращает внимания на некоторые нестыковки в рассказе. Перцев увлекается спортом, он презирает пьющих людей. А тут чекушку выпил в электричке. Приехал неизвестно куда, не поймешь зачем. Личность женщины, с которой он якобы свел знакомство в кафе «Парус», не установлена. Перцев даже имени ее не вспомнил. Ограбление магазина и убийство продавца, – шутка сомнительная. И хотя втирает он складно, вопросов – выше крыши. Перцев не тот человек, кто прольет кровь ради скромной выручки и пары ящиков консервов.

Третий месяц этого кренделя держали в «Матросской тишине» по обвинению в убийстве авторитетного московского бандита Геннадия Салимова по кличке Сало и его телохранителя. Втроем они резались в карты на съемной квартире. Перцев перестрелял своих партнеров, потому что между ними возникла ссора, якобы покойный авторитет обложил его матом. Расстреляв обойму, он решил скрыться. Но за дверью ждали оперативники, которые вели наблюдение за Салимовым. Стояла глубокая ночь, Перцев, бросив пистолет, распахнул

окно, перелез на соседний балкон, оттуда на водосточную трубу и стал спускаться вниз. Он наверняка ушел бы от погони, но между вторым и третьим этажом проржавевшая секция трубы просто развалилась на части. Перцев полетел вниз и повредил лодыжку. Он сидел на асфальте и курил, когда оперативники надели на него браслеты.

Неделю назад он неожиданно взял на душу убийство Айвазяна. Никто не тянул Перцева за язык, он сам попросился на допрос. Интерес подследственного вырисовывается ясно: за двойное убийство ему намотают, как минимум, пятнашку строгача. За Айвазяна к этому сроку добавят еще года три. Не так уж много. Видимо, кто-то из уголовных авторитетов попросил, точнее, потребовал, чтобы Перцев повесил на себя этот труп. Взамен красивая жизнь на зоне: усиленное питание, работа библиотекаря или хлебореза, возможно, даже девочки. А если Перцев заупрямится, то может до суда не дожить. И он честно отрабатывает аванс.

Теперь полагается закрепить показания с выездом на место, составить протокол в присутствии понятых, начертить план магазина и прилегающей местности. Дорогу, по которой Перцев уходил к гаражам, взвалив на плечи ящики с консервами. Обозначить место, где была спрятана добыча. Ни милиция, ни прокуратура не имеет ничего против этого спектакля. Нераскрытое убийство никому не нравится, портить блестящие статистические показатели не хочется. Кажется, только молодой следователь Леня Ефимов искренне верит в рассказ Перцева и радуется, что расколол матерого грабителя и убийцу.

Девяткин почесал нос и подумал, что примета сбудется, сегодня вечером он приглашен на день рождения к старому приятелю врачу Хрустову. И наверняка уйдет из ресторана на бровях, в противном случае приятель, который ненавидит трезвость во всех ее проявлениях, обидится на всю оставшуюся жизнь. Загвоздка в том, что до начала торжества всего-то три с половиной часа, а еще за подарком надо заехать домой. Он вручит Хрустову барометр в массивном деревянном корпусе и толкнет тост о переменчивости погоды и постоянстве настоящей мужской дружбы, которой все нипочем, даже житейские бури и ураганы. Красиво, образно и в некотором смысле поэтично…

* * *

Путь до особняка на Рублевском шоссе, где свила гнездышко Ольга Петровна Дунаева, отнял минут сорок. Радченко, пробившись сквозь плотный поток машин на серебристом мотоцикле «Харлей-Девидсон», сумел не пропустить нужный поворот, тормознул перед вахтой. Это были два добротных дома с толстыми стенами из природного камня и окнами, похожими на крепостные бойницы.

Внутри наверняка глубокие погреба и просторные, под завязку набитые современными стволами, в том числе автоматическими, оружейные комнаты. В таких сооружениях можно сутками держать оборону против полка морских пехотинцев. И морпехам придется несладко. Радченко знал, что этот поселок на двести пятьдесят домов охраняют триста вооруженных до зубов и отлично обученных бойцов частной охранной фирмы, как правило бывших офицеров и прапорщиков, прошедших курс спецподготовки. Кроме того – личные телохранители тех господ, что здесь проживают. Вместе с ними набирается более тысячи парней, которые на «ты» с любым видом оружия.

Навстречу Радченко вывалились пять здоровых лбов, одетых не в камуфляж, а стильные костюмы, белые сорочки и модные галстуки. Подозрительно покосившись на «харлей», принялись выспрашивать, к кому приехал гость. Мотоциклисты не внушали доверие охране. Старший по группе вернулся к свою крепость, пару минут разговаривал по телефону. Закончив беседу, неторопливо спустился вниз по ступенькам и, погладив пальцем узкую полоску усов, вежливо предложил юристу пройти за ним в помещение. В просторной комнате, где по

стенам были развешаны большие фотографии поселковых особняков, Радченко предложили развести руки в стороны и раздвинуть ноги.

– Если бы Ольга Петровна предупредила, что я подвергнусь беззаконной процедуре личного обыска, то, пожалуй, я перенес бы нашу встречу в другое место, – сказал Радченко.

– Таковы порядки. – Старший охранник прошелся по спине и ногам металлоискателем.

– Так поступают со всеми гостями или есть исключения? – Радченко сказал себе «только не заводись» и сделал все, чтобы оставаться спокойным.

– Только с адвокатами, – усмехнулся старший.

– Откуда вам известно, что я адвокат?

– У нас не вечер вопросов и ответов и не развлекательная викторина, – насупился мужик. – У вас ключи в кармане? Пожалуйста, на стол. Кстати, опустите руки.

Дима бросил на стол связку ключей. Старший осмотрел их, сосредоточил внимание на брелке, похожем на футбольный мячик. Нажал пальцем крохотную кнопку, засветилась лампочка. Подумав, старший опустил связку в ладонь Радченко.

– У вас есть при себе оружие? Ну, в мотоцикле?

– Я не ношу оружия.

– Мобильник, смартфон, видеокамера, фотоаппарат или карманный компьютер у вас имеются?

– Только мобильник. И смартфон.

– Придется оставить это здесь. Получите, когда будете возвращаться обратно. На всякий случай предупреждаю, на территории поселка строго запрещено делать фотографии или вести съемку. Запрещено пересекать границы участков. Если вы все-таки утаили от нас какой-нибудь хитрый электронный прибор… У вас будут неприятности, можете не сомневаться. Таков порядок.

– Кто завел этот… – На языке вертелись самые грязные ругательства, но Дима сдержался. – Хочу знать, кто придумал эту процедуру, хочу посмотреть на этого… И задать ему пару вопросов. Я приехал в гости к человеку, чье имя знает вся страна…

– Если вы будете вести себя неадекватно, ваша встреча не состоится.

В окошко Радченко видел, что в пластиковом кофре, укрепленном на заднем крыле мотоцикла, бесцеремонно роется парень в темном костюме. А покрышки и движок «харлея» осматривают еще два идиота. Интересно, что они хотят найти? Разумеется, гости, заворачивающие в этот поселок, не подвергаются этой унизительной процедуре допроса и личного обыска. Но бывают исключения.

Когда вышли на воздух, старший объяснил, как проехать к дому певицы.

– Сначала налево, потом возьмешь правее. Доедешь до белой скульптуры на развилке, там сходятся улицы, потом налево и до конца. Предупреждаю: скорость на территории поселка двадцать километров. Если превысишь, тогда…

– Откроете огонь на поражение? – Юрист стянул с головы цветастую косынку, стягивающую волосы, сунул ее в карман кожаной куртки. – И срежете меня с первого же выстрела. Прошу только об одном: цельте в голову, чтобы я долго не мучился.

– Сделаем, как ты просишь. – Физиономия старшего по группе оставалась хмурой.

Глава вторая

Перцев потянул на себя створку ворот беспризорного бокса без номера. Он мог бы не трудиться: вторую створку давно сняли с петель и утащили. Строительство жилого массива еще не началось, поэтому на территории бывшего гаражного кооператива «Прибой» творили, что хотели, бомжи, бродячие собаки и ребятишки из домов через улицу. Девяткин и оперативник Валера Поляков вошли внутрь следом за Перцевым, следователем прокуратуры и понятыми, потому что мокнуть под дождем не хотелось.

Бокс, кое-как слепленный из кусков жести, был просторный, две машины запросто встанут, но настолько старый и ветхий, что стены проржавели насквозь. Пальцем ткни – развалятся, а крыша – как сито. Хорошо хоть дождик не сильный. Пахнет сырой собачьей шерстью, вокруг полно разного хлама. Продавленный пружинный матрас, обрезки досок, ворох истлевшего тряпья в углу, заднюю стену подпирает лист фанеры, потемневший от времени и разрисованный похабными картинками.

– Я тащил консервы, вокруг не было ни души… – Перцев жарил как по писаному. – Только снег с дождем. С улицы сюда попадал свет от фонаря. Но все равно темно, как у негра в… Короче, видимость почти нулевая. Остановился перед этим вот боксом, где мы сейчас стоим. Сбросил ящики с плеч и посветил фонарем. Воротины приоткрыты. Ну, я и свернул сюда. Только сначала ключи от магазина забросил подальше.

– Не таратоpь. – Молодой прокурор, постелив газету под зад, присел на пластиковый ящик, положив на колени папку и протокол, начал заполнять другую страницу. – Показывай. Что и как ты делал.

На минуту наступила тишина. Стало слышно, как мелкий дождь стучит по железной крыше, а где-то рядом по железнодорожным путям ползет электричка. Приближаясь к станции, она, снижая скорость, дала два протяжных гудка.

– Я перетащил ящики вот сюда, на середину, присел на бочку, – сказал Перцев. – Тут пустая бочка валялась. А вот этого матраса вроде не было. Я прикурил – торопиться было уже некуда. Продавца спохватятся утром, не раньше. Сидел и светил фонарем, раздумывал, где бы спрятать ящики. И увидел люк погреба, деревянный с железным кольцом. Я потянул за кольцо, люк открылся. Там темнотища, даже с фонарем ни фига не видно. Ну, решил, что погреб в гараже – это как подарок судьбы. Туда ящики и скинул.

– Подожди-ка… – Прокурор удрученно покачал головой. – На допросе в СИЗО ты не упоминал ни о каком погребе.

– Ну, я подумал, что это не так важно, куда я бросил те паршивые ящики. Я ведь все равно за ними не вернулся: овчинка выделки не стоила. Мозгами пораскинул: вдруг в том гараже граждане милиционеры сидят… меня дожидаются?

– В таких делах мелочей не бывает, – сказал следователь прокуратуры. – Показывай, где люк. И где погреб.

– Похоже, люк землей присыпали.

– Ты не путаешь? Гараж тот?

– Тот. Вроде бы.

Кажется, поиски затягивались. И настырный малый из прокуратуры будет дотемна искать место, где Перцев якобы бросил проклятые ящики. А время бежит. Да и Ефимова придется до межрайонной прокуратуры довезти. Это еще лишние полчаса. Черт, как всегда все не вовремя. Девяткин прикурил сигарету, наблюдая, как Перцев, глядя себе под ноги, меряет шагами пространство. Мобильник зазвонил в ту минуту, когда Перцев сдвинул с места матрас и убедился, что под ним нет ничего, кроме бутылки с отколотым горлышком.

– Слушаю. – Девяткин поднес трубку к уху.

– Юра, в кабаке я заказал пять флаконов водки и еще десять бутылок с собой привезу… – Именинник Хрустов говорил громко, слишком громко. Девяткин кашлянул в кулак и посмотрел на женщин. – Я уже на месте. Почти разгрузился, но тут подумал, что пятнадцать пузырей на столько рыл – это так, только раскумариться. Ты ведь на машине приедешь? Просьба к тебе, возьми по дороге десять флаконов по ноль семь. Лучше пусть останется. А деньги я тебе…

Девяткин вышел на воздух, свернул за угол и отошел подальше: не хотелось, чтобы частный разговор стал общественным достоянием.

– Что ты орешь, как вор на ярмарке? – разозлился он. – Что я глухой, что ли?

– Я не ору, связь так работает, – еще громче заорал Хрустов. – Я ведь не какой-нибудь там отмороженный олигарх, чтобы брать водяру в кабаке. У них там накрутки бешеные. После этого дня рождения с протянутой рукой пойду. По миру. Но никто не подаст.

Девяткин собрался что-то ответить, когда услышал негромкие хлопки, будто где-то рядом дети баловались с петардами. Один хлопок, два, потом еще один. Закричали женщины. Что-то глухо ухнуло, будто на пол уронили железную кастрюлю. Снова женские крики. Девяткин со всех ног бежал к гаражу. Он выхватил из подплечной кобуры пистолет, выключил предохранитель, дважды выстрелил в воздух, чтобы проснулись конвойные и опер Лебедев, оставшийся в «Волге».

Вовремя притормозив, Девяткин едва не споткнулся о ноги лейтенанта Полякова, лежавшего на пороге гаража. Опер перевернулся на бок, подтянул вверх колени, зажимая рану в животе окровавленными ладонями. Женщины оказались целы и невредимы. Одна, присев на корточки, обхватила ладонями голову, будто ее кто-то собирался ударить молотком. Вторая продавщица прижалась спиной к стене и, парализованная страхом, застыла на месте.

Прокурор лежал на спине в двух шагах от матраса. Открытые глаза смотрели в потолок. С первого взгляда было понятно, что медицинская помощь ему уже без надобности. Одна пуля разорвала печень, вторая попала в левую сторону груди. Он умер в тот момент, когда еще стоял на ногах. Очки в золотой оправе свалились с носа, бланки протокола разлетелись по сторонам. Лист фанеры валялся на земле, а в задней стене гаража зиял аккуратный проем. Полтора метра на метр.

Девяткин, пригнувшись, нырнул в лаз. И тут же повалился на сырую траву и вжался в землю. Автоматная очередь ударила со стороны железнодорожной насыпи. Стрелявшего из-за кустов не было видно. Пули пролетели над головой, прошлись по ржавому железу. Девяткин выстрелил в ответ наугад, отполз назад и перезарядил пистолет.

* * *

Подняли шлагбаум, Радченко покатил по брусчатке из плиток на основе натурального гранита с вкраплениями полевого шпата, придававшего камню ярко-розовый оттенок. Впечатление такое, будто мотоцикл медленно плыл по реке из малинового киселя.

Тут и в помине не было высоких заборов. Изгороди, будь то кованые решетки или простой деревянный штакетник, в высоту не достигали полутора метров. Поэтому взгляду открывались роскошные особняки, построенные по индивидуальным проектам. Радченко едва оторвал взгляд от русской классической усадьбы с мощными колоннами с каннелюрами, увенчанными капителью со спиральными завитками и листьями аканта. На величественном крыльце из итальянского мрамора стоял лакей в ливрее, вышитой золотом, и синих узких брюках с красным рантом. Лакей напоминал персонажа музея восковых фигур. Второй час он, стоя на солнцепеке, ждал хозяина, чтобы помочь ему выбраться из машины и открыть дверь, когда он будет заходить в дом. Но хозяин опаздывал.

Далее следовал особняк в скандинавском стиле под черепичной четырехскатной крышей, со ставнями на окнах, резными балками и брусьями вдоль и поперек белых отштукатуренных стен. Между окон второго этажа красовался позолоченный фамильный герб. Один из особняков был выполнен в нарочито ярком мавританском стиле, вдоль первого этажа фасад украшали декоративные арки и ниши, стены второго этажа облицованы керамическими плитками, покрытыми кобальтовой глазурью. На коньке крыши помещалась фигура всадника на коне, тоже покрытая желтой и голубой глазурью.

Радченко залюбовался домом в готическом стиле, похожим на древнюю католическую церковь, с башнями и башенками, с огромными цветными витражами. Казалось, за окнами стояли короли, воины и бородатые старцы в длинных цветных плащах. Беспорядочное смешение архитектурных стилей создавало ощущение, будто тебя занесло в уникальный музей под открытым небом. Возможно, на всей планете такого музея больше нет. Радченко пару раз встречался в адвокатской конторе с хозяином дома с витражами, этот человек был обладателем самой большой в России частной коллекции живописи импрессионистов. О существовании коллекции знали немногие. Картины покупали на аукционах анонимно. Или напрямую у коллекционеров, привлекая к переговорам солидных адвокатов и экспертов.

На этой ярмарке тщеславия дом Ольги Петровны выглядел довольно скромно, бедным родственником, приглашенным на светское застолье. Классический французский стиль, лишенный излишеств и помпезности. Радченко поставил мотоцикл возле отдельно стоявшего гаража на четыре машины, когда женщина в белом свитере и темных брюках вышла из-за угла и, улыбнувшись, сказала, что увидела его из окна. Подумала и добавила, что иначе представляла себе партнера юридической фирмы. Дима подумал, что певицу, которую видел только по телику и на страницах глянцевых журналов, тоже представлял совсем другой. Повыше ростом, пофигуристей, с неизменной улыбкой. Он открыл рот, чтобы выложить пару убогих комплиментов, но в последний момент решил промолчать.

– Я хотела познакомиться с человеком, который будет заниматься моим делом, – сказала Ольга Петровна. – Точнее сказать, моей судьбой. Вам тридцать лет?

– И еще пять. Я не такой уж маленький. То есть вполне взрослый мальчик. Сам без пяти минут отец.

Отвечать на этот вопрос Радченко приходилось часто. Клиенты недоверчиво относились к моложавому спортивному малому и, уточнив его возраст, впадали в меланхолическую задумчивость. Хороший адвокат в понимании клиента – это человек, убеленный сединами. Он, по примеру президентов великих государств, носит наручные часы «Крикет», ездит на «бентли», боится летать самолетами, таскает с собой толстый старомодный портфель, набитый бесполезной макулатурой, и не доверяет компьютерам. У него десяток помощников, таких же старых олухов, недоверчивых и тупых, и секретарь, баба неопределенного возраста, жилистая и сухая, как вобла.

Радченко поставил мотоцикл на центральную подставку, снял перчатки. На улице и возле дома никого.

– Вы всегда ездите без шлема?

– Я фаталист.

– Кажется, вы чем-то расстроены? – спросила Дунаева. – Вид у вас какой-то… Охранники были не слишком любезны?

– Да, эти парни не обучены манерам. Но такими пустяками мне трудно испортить настроение. Хотел спросить: у человека вашего положения есть возможность выбрать лучшую из лучших юридических фирм. И разумеется, лучшего адвоката. Почему я?

– Вас рекомендовал ваш начальник Юрий Семенович Полозов. Он осыпал вас комплиментами.

– И вы согласились довериться мне только потому, что меня похвалил начальник? Я наивен, но не до такой же степени.

– В прошлом году вы работали с моей близкой знакомой Валей Решетняк. У нее, если помните, возникла серьезная проблема. Валя была на волосок от смерти. Вы лихо все урегулировали. И главное, обошлось без огласки и участия милиции. Валя от вас просто в восторге. Она сказала – вы большой мастак по этой части. Мне не нужен умный юрист-очкарик, выучивший наизусть все кодексы и подзаконные акты. Нужен конкретный человек, способный решить конкретную проблему.

– Не хочу хвастаться, но случай с Решетняк – не самый сложный, – усмехнулся Радченко. – Шантаж. Угроза расправы, вымогательство. Те парни работали слишком примитивно. Потому что опыт минимальный и мозгов немного. И в конце концов, их сгубила жадность. Чем больше росли их аппетиты, тем яснее становилось, что работают не профи. С такими можно не церемониться.

– Да, да, – рассеянно кивнула Дунаева. – И все-таки я представляла вас другим. Только без обид.

– Молодость – это временный недостаток, – буркнул Радченко.

Конечно, не следовало приезжать в поселок, где живут богатейшие люди России, на мотоцикле, в поношенной кожанке, стоптанных башмаках и майке с надписью «возьми меня на асфальте». Хозяин адвокатской конторы, узнав об этой выходке, будет оскорблен в лучших чувствах. И хорошо, если все закончится только лишь строгим внушением. Впрочем, черт с ним, пусть побухтит.

– Я так понял, что вам не подхожу?

– Как раз наоборот… – Дунаева улыбнулась, но лицо оставалось усталым и напряженным, а в глазах застыли то ли страх, то ли печаль. – Возможно, вы тот самый человек, которого я искала. А мотоцикл… Я сама когда-то мечтала научиться ездить на мотоцикле. Гонять так, чтобы ветер свистел в ушах. Наверное, об этом мечтает каждый нормальный человек. Но покупает автомобиль. А байкеров называет самоубийцами, хотя в душе завидует им. Только на мотоцикле можно почувствовать скорость, а?

– Раллийные автомобили тоже ничего. Что вам помешало завести железного коня?

– Я обычный среднестатистический обыватель. Мечты забываются. И эта забылась. Пойдемте в дом.

Радченко лишь вздохнул и поплелся следом за хозяйкой.

* * *

Разговор проходил не за чайным столиком в гостиной, а в кабинете мужа Ольги Петровны. Певица коротко, без лишних эмоций пересказала свою историю и добавила, что с того проклятого дня ее жизнь остановилась. И начался кошмар, которому пока не видно конца. Радченко кивал головой, дожидаясь, пока женщина выговорится.

Около года назад, прошлой осенью, старший брат певицы Олег Петрушин, проживающий в Краснодаре, попал на прицел местной милиции. В течение лета в городе было совершено четыре убийства женщин разного возраста. Все жертвы не были изнасилованы. Их жестоко избили, потом задушили косынками, колготками или ремешками от сумочек. Петрушин был знаком с последней жертвой, некоей Викторией Скрипченко, студенткой полиграфического техникума. За несколько часов до трагедии их видели на окраине города, в заброшенном парке. Труп Скрипченко обнаружили через пять часов после смерти, поэтому время кончины установили с точностью до минуты.

За Петрушиным приехал милицейский наряд, в его доме устроили обыск, вскрывали полы и простукивали стены погреба, надеясь найти пустоты в кирпичной кладке. Но обна-

ружили только папки с этюдами и зарисовками. Среди эскизов три рисунка углем, на которых была изображена покойная Скрипченко. Из одежды на девушке были кокетливые трусики. Рисунки изъяли, а Олега трое суток продержали в одном из отделений милиции. Он выдержал допросы с пристрастием, но не дал признательных показаний. Парня выпустили, потому что прямых доказательств вины не было. Впрочем, прямые доказательства – вопрос времени и терпения сыщиков.

Опытные преступники – а Петрушин имел уже погашенную судимость за кражу и сопротивление при задержании – умеют прятать концы. За подозреваемым установили наблюдение, ожидая, когда он сделает следующий шаг, но ничего не происходило. В конце сентября оперуполномоченный Крылов, хорошенько выпив в конце рабочего дня, прихватил с собой рисунки Петрушина и направился к дому на улице шахтера Закруткина: там жил его знакомый Анатолий Иванович Скрипченко, отец убитой девчонки.

Шел дождь, милиционер успел промокнуть и продрогнуть по дороге – и, когда переступил порог дома, заявил хозяину, что покажет ему нечто такое… Сногсшибательное, настоящую бомбу. Если хозяин выставит четверть самогона и закусон, приличествующий случаю. Через час изрядно захмелевший мент выложил на стол рисунки обнаженной Виктории. Еще через полчаса мент объявил имя и фамилию художника, добавив от себя, что этот сукин сын, по милицейским данным, и есть убийца. И уснул, положив голову на стол.

Дальнейшие события поминутно расписаны в материалах уголовного дела. Хозяин посидел минут пять, влил в горло полстакана первача. И, поднявшись, довел гостя, потерявшего возможность держаться на ногах, до кровати, стянул с него сапоги и прикрыл одеялом. Анатолий Иванович зашел в соседнюю комнату, снял со стены ружье и долго не мог найти патроны, потому что сам плохо ориентировался во времени и пространстве. Распечатав коробку с патронами, снаряженными картечью, он зарядил двустволку двенадцатого калибра, сунул горсть патронов в карман и спустился с крыльца. Темень была кромешная, лил дождь.

Окраинная улица, не закатанная в асфальт, превратилась в месиво из жидкой грязи. Скрипченко переулком вышел на параллельную улицу, спустился вниз, к дому, адрес которого знал. По дороге он два-три раза падал, поднимался и, весь залепленный грязью, похожий на черта, брел дальше неверной походкой. Скрипченко пнул ногой калитку, по едва видной тропинке дошагал до дома, постоял минуту у занавешенного сатиновой тряпкой окна. На ткань легла человеческая тень. Скрипченко отступил в сторону, поднялся на крыльцо. Дверь, обычно закрытая на крючок с внутренней стороны, на этот раз оказалась открытой.

Скрипченко прокрался по темным сеням, он видел лишь узкую полоску света, выбивавшуюся из-под двери горницы. Рванув дверь, остановился на пороге, зажмурившись от света. Человек, сидевший за столом посередине комнаты, хотел подняться навстречу, но Скрипченко уже вскинул ружье и выстрелил в Петрушина сразу с двух стволов. Оба заряда попали в грудь. Олега отбросило к противоположной стене. Убийца перезаряжал оружие, его руки тряслись, патроны никак не попадали в патронник, выскальзывали из рук и рассыпались по полу. Петрушин сидел у стены и стонал. Он хотел что-то сказать, но мешал кашель. В легких что-то шипело, а горлом шла кровь. Скрипченко приблизился на расстояние двух шагов и добил раненого. Он плюнул на покойника. Бросил ружье, пошатываясь, вышел на улицу и зашагал обратной дорогой. Через полчаса он растолкал милиционера и объявил, что только что пристрелил убийцу своей дочери. Потом рухнул на табурет и разрыдался. Его задержали на следующее утро.

* * *

Дунаева ездила с концертами по Омской области. Ее продюсер сделал все, чтобы весть не дошла до певицы, и гастрольный тур завершился отлично. Дунаева приехала в Краснодар, когда брата уже кремировали. Его убийца сидел в тюрьме, а оперуполномоченного Крылова выгнали со службы. Она задержалась в городе на полдня и уехала обратно. Весной на адрес ее электронной почты стали поступать фотографии изуродованных и убитых женщин. О жертвах нет никакой информации, письма сопровождают только короткие подписи типа «Тебе нравится такая смерть?». Послания отправлены неизвестно откуда, аноним неплохо знаком с компьютерами и Интернетом.

– Мне стало страшно, – сказала Дунаева. – Так страшно, что я перестала себя контролировать. Не задумалась о последствиях своих действий. Сорвала телефонную трубку и позвонила заместителю начальника московского ГУВД Богатыреву. Николай Николаевич милейший человек, я с ним познакомилась еще лет пять назад, тогда первый раз выступала на концерте, посвященном Дню милиции. Он ответил, что ждет меня. Внимательно выслушал, что-то записал и успокоил как мог. Обещал прислать одного из лучших сыщиков МУРа.

– И прислал?

– На следующий день в этой комнате появился некий Юрий Девяткин, майор. На редкость бесцеремонный тип. К тому же законченный циник. Я спросила, как продвигается мое дело. А он говорит: мол, никакого дела пока нет. Он работает в убойном отделе, занимается мокрухой. А в кабинете и в других комнатах, как он успел заметить, трупы не валяются. Поэтому и дела никакого нет. И не будет. До появления первого покойника, скончавшегося насильственной смертью. Короче, надо ждать трупа, а там посмотрим. И все это он говорит как-то снисходительно, с противной улыбочкой. Будто обращается не к взрослой женщине, а к умственно отсталому подростку. Такое впечатление, что он презирает людей моей профессии. И меня лично. Он долго рассматривал те фото, что висели в почтовом ящике компьютера. Переписал картинки на диск. И, уходя, сказал, чтобы я обращалась, когда поступят новые фотографии. Это была глупость с моей стороны – переться в милицию. На поклон к начальству.

– Вы сделали правильные выводы, – кивнул Радченко.

– Господи… А дальше все покатилось кувырком. Я вынуждена была отказаться от гастролей, назначенных на май. От всех этих волнений пропал голос, всего на неделю, но гастроли – псу под хвост. Пришлось заплатить неустойку. Сорвался выпуск диска, который мы готовили полгода. И это только малая часть моих бед.

– Отношения с покойным братом у вас были не самыми гладкими?

– Мы изредка перезванивались. Вот и все отношения. Он жил трудно, один в небольшом домике. Работал истопником. И еще рисовал на заказ портреты, или расписывал потолки и стены в продуктовых магазинах. Я предлагала ему материальную помощь, но Олег слишком гордый человек. Говорил, что ни в чем не нуждается.

– Прежде всего, вы хотите, чтобы я нашел человека, анонима, отправляющего письма?

– Я думаю, что даже мертвые имеют шанс на справедливость… – Голос Дунаевой сделался твердым. – Мой брат не убийца. Он вел дневник, такую толстую тетрадку в зеленом кожаном переплете. Описывал свою жизнь день за днем. У Олега был очень мелкий почерк, какой-то старушечий. Менты проводили обыски в доме и сараях во дворе. Ничего не нашли. Надеюсь, вам повезет больше. Это первое. Второе, я должна подумать о себе, пока что эта история не попала на газетные страницы. Фамилия брата – Петрушин. Меня знают как Дунаеву. Но рано или поздно, короче, шила в мешке не утаишь. Тогда моя карьера певицы будет

кончена. На моего сына станут показывать пальцем: вон тот пацан, дядя которого резал женщин. Вы в курсе моих семейных неприятностей?

– Разумеется, – кивнул Радченко.

– Тогда вам легко представить, что произойдет дальше. Такая жизнь мне не нужна.

– Но вина вашего брата не доказана судом.

– Это не имеет значения. После смерти Кости женщин в тех краях больше не убивали. Вероятно, убийца смотался оттуда. Всех жертв списали на Костю, а реальный убийца решил воспользоваться ситуацией. Словом, мне нужен тот дневник. Нужны доказательства, что брат не убийца. Тогда этот кошмар кончится. А вы тот самый человек, который может помочь.

Глава третья

В кабинете начальника следственного управления Николая Николаевича Богатырева Девяткин чувствовал себя не очень уютно: кажется, над головой занесена острая секира, вот-вот лезвие опустится вниз, ударит по шее – и башка покатится с плеч. А кровь забрызгает стол для посетителей, испортит рисунок желто-зеленого ковра. Написана уже добрая дюжина докладных и рапортов о том, что произошло на территории заброшенных гаражей, но начальник не любит читать бумажки. Девяткин уже говорил пять минут, но Богатырев лишь неодобрительно качал головой.

– Никто не ожидал от обвиняемого такой прыти. Он не судим, не пользовался авторитетом в кругах бандитов и воров. И вообще все свои тридцать семь лет жизни старался держаться в тени. Родом из Брянска, работал сторожем и землекопом на местном кладбище. Потом ушел с работы и потерялся из виду. Из родственников только престарелая мать и тетка. Последние пять лет с родственниками не виделся. Изредка присылал матери немного денег. Где работал, где жил, чем занимался – неизвестно. По нашей части на Перцева ничего нет, кроме того убийства за карточным столом. И вдруг такое исполнение.

– Почему он был без наручников?

– Не хочется валить все на мертвого прокурора.

– Да ладно тебе тут благородную барышню изображать… – Богатырев раздраженно махнул рукой, словно муху отгонял. – Докладывай по делу. Как было.

– Прокурор Леонид Ефимов, покойный, приказал снять с него браслеты еще в магазине, – вздохнул Девяткин. – Когда вышли на улицу, я хотел заковать Перцева в наручники. Но снова встрял Ефимов. Он фотографии делал, хотел, чтобы все выглядело натурально. Черт знает, чего он хотел. Может, пулю свою ждал.

– А почему второй оперативник, Саша Лебедев, этот амбал, призер всех милицейских соревнований по вольной борьбе, чемпион области, торчал в машине, когда надо было находиться рядом с Перцевым? Что он там, радио слушал, пока людей убивали?

– В тот день Лебедев был на больничном: у него высокая температура. Я попросил его выйти на работу, потому что лето, все в отпусках. Мне на выезд взять некого. Шел дождь, я приказал Сашке остаться в машине. Моя вина.

– Моя вина. Твоя вина. Какая хрен разница? – взвился Богатырев. – Убили молодого прокурора, наш опер в больнице с тяжелым ранением. Подследственный скрылся. Ему помогали вооруженные сообщники на машине. А у Лебедева в этот момент сопли из носа потекли. И он в машине отсиживался, потому что начальник приказал не выходить на дождик. Вы должны были тщательно проверить гараж перед тем, как туда войдет этот черт Перцев. Убедиться, что там не спрятан ствол или заточка. Ну, ты сам знаешь, что надо делать в таких случаях. Но вы с операми пальцем о палец не ударили. В гараже лежала груда полусгнившего тряпья, в которой лежал пистолет. Но ты не сунул туда нос. Потому что противно руками прикасаться к этим тряпкам. И еще запах…

– И запах, – как эхо повторил Девяткин.

Он выдержал минутную паузу, плеснул в стакан воды из графина и промочил горло. Самое противное дело на свете – оправдываться, когда знаешь, что сам кругом виноват. И твой собеседник это знает. Получается, что говорить не о чем. Слов подходящих нет. И все-таки надо.

Девяткин отсутствовал в гараже всего пару минут или около того. Пока он трепался с именинником Хрустовым о водке, подследственный успел многое. Добрался до кучи ветоши, сваленной у стены. Наклонился, вроде как люк в полу искал, вытащил из тряпок полуавтоматический пистолет иностранного производства. Оружие было готово к стрельбе,

патрон в патроннике и курок на боевом взводе. Перцев даже не успел выпрямить спину, когда раздались первые два выстрела. Он попал куда хотел, в живот оперативника. Стрелял, не целясь, навскидку, точно зная, что не промажет.

Следователь прокуратуры успел вскочить с ящика, выпустил из рук папку с бумагами. Он носил ствол в подплечной кобуре. Чтобы до него добраться, надо расстегнуть верхнюю пуговицу кителя. Перцев не дал противнику ни одной секунды. Первый выстрел в грудь, второй в голову. Он отбросил в сторону лист фанеры, что закрывал нижнюю часть задней стены. И ударил коленом по жести. Сообщники Перцева, готовившие с воли побег, выпилили в стене лаз, чтобы не были заметны следы распиловки, их кое-как замазали шпатлевкой.

Перцеву осталось не так много работы: выбежать на зады гаражей, рвануть что есть силы к железнодорожной насыпи и забраться на нее. Внизу, с другой стороны железнодорожных путей его ждала серая «десятка», за рулем водила, который хорошо изучил все окрестные дороги. Второй сообщник прикрывал отход из автомата. Когда Девяткин бросился в погоню, едва сам не нарвался на пулю. И вынужден был отступить, дождаться Лебедева и конвойных, прибежавших на выстрелы, и только потом организовал нечто вроде погони. Только гнаться было уже не за кем. Бандиты выиграли столько времени, сколько им требовалось, даже больше.

Позднее, когда из Москвы прибыли следственная бригада, криминалисты и судебный медик, автомат со спиленными номерами нашли в зарослях чертополоха под насыпью. Машину, находившуюся в угоне вторую неделю, обнаружили ближе к вечеру: ее сожгли в лесопосадках, в пятидесяти километрах от Москвы по Киевскому шоссе. Там Перцев и сообщники сменили транспорт и растворились за пеленой дождя, в первых сумерках ненастного вечера. Все продумано и, главное, выполнено на высоком уровне.

– Я готов понести ответственность, всю полноту ответственности, – выдавил из себя Девяткин: он знал, что начальник ждет именно этих покаянных слов. – Готов написать рапорт.

– С этим как раз успеется, – не дал договорить Богатырев. – Накажем. Если надо, и рапорт положишь на стол. Но для начала надо отдать долги. Найдешь Перцева. Это теперь твое основное задание. Пока передашь свои дела Пастухову. Но это не все.

Полковник нажал кнопку селекторной связи и приказал секретарю пустить в кабинет «ту женщину». Миловидная молоденькая блондинка, невысокая, но с очень ладной фигурой, плотно прикрыв дверь, прошла по ковровой дорожке к столу. Женщина выглядела бы на все сто, если бы не заплаканное бледное лицо, глубоко запавшие глаза, под которыми образовались круги; на ней было длинное, ниже колен, темное платье с такими же темными шифоновыми рукавами.

Богатырев уже оказался на ногах, завладев женской ручкой, стал мять ее ладошку в своих лапах, называя молодую особу по имени-отчеству: Елена Петровна. Девяткин подумал, что наряд более чем странный, особенно в такую жару, но быстро сообразил, что перед ним вдова покойного прокурора. Чувствуя неловкость момента, он поднялся со стула, не зная, что делать с руками, спрятал их за спиной. Богатырев, усадив женщину на стул, сам уселся рядом, за столом для посетителей. Полковник знал много слов утешения и сейчас использовал свой богатый запас весь, без остатка.

Сказал, что знал Ефимова лично, потеря эта невосполнима, но надо жить дальше и смотреть в будущее. На руках у Елены Петровны остался ребенок, он должен расти, учиться и гордиться отцом, потому что покойный прокурор – настоящий стопроцентный отец-герой в полном смысле этого слова. Возможно, в последние мгновения жизни он вспомнил о жене и сыне. И еще, погибая, он думал не о том, как шкуру спасти, думал о продавщицах, которых закрыл собой от бандитской пули. А ведь у них тоже дети… И так далее и тому подобное.

Ефимова промокала платочком слезы и тихо всхлипывала. Девяткин не понимал, почему Богатырев не отпустил его на все четыре, оставил здесь выслушивать эту слезоточивую чепуху. Никаких продавщиц прокурор своей грудью не закрывал, потому что убийца плевать хотел на этих продавщиц, они ему до лампочки. И ни о чем таком Ефимов не думал. И убийца не оставил времени на раздумья. Интервал между выстрелами в опера и прокурора – меньше секунды.

Выступление Богатырева звучало пафосно, но, в общем и целом, убедительно. Слова простые, а пробирали до самого сердца. Растрогался даже Девяткин. А уж женщина, которая позавчера похоронила мужа, и сейчас была без ума от горя, готова поверить в любую сказку. Богатырев распинался еще минут десять, а Девяткин с умным видом кивал головой.

Исчерпав запас домашних заготовок, полковник перешел к делам практическим. Да, он знает, что город выделил вдове и ее сыну новую квартиру и материальную помощь. Но ограничиться только этим мы не имеем права. Уже сейчас совместно с прокуратурой в МУРе создана оперативная группа под руководством майора Юрия Ивановича Девяткина, чья репутация не ставится под сомнения, приказ подписан. Богатырев показал пальцем на стол, где пылились новое издание УПК в бордовом переплете с золотым тиснением и старая газета с разгаданным кроссвордом.

Преступник и его пособники будут найдены, предстанут перед судом и ответят по всей строгости закона. Это не просто слово милиционера, крепкое, как гранит, это долг чести. Богатырев зло зыркнул на Девяткина: мол, и ты чего-нибудь вякни, а то сидишь как пень. Вдова еще решит, что ей подсовывают какой-то отброс, глухонемого следователя. Самого никудышного.

– Это наш долг чести, – откашлявшись, повторил за начальником Девяткин. – Мы сделаем все, что в наших силах. В лепешку разобьемся.

Елена Петровна поплакала еще минут пять. Скорбно поджала губы и ушла.

– А ты думал, я один стану отдуваться? – Богатырев перевел дух. – Тебя сюда вызвали, чтобы ты не мне, чтобы ты ей в глаза посмотрел. Теперь дело за малым: надо выполнить обещание.

* * *

Как обычно в жару хозяин юридической фирмы «Саморуков и компаньоны» был не слишком приветлив. Развалившись в кресле, Полозов пускал в потолок кольца табачного дыма, рассеянно кивал, слушая подчиненного. Накануне он прочитал план мероприятий, предложенных Радченко, и что-то решил для себя. И теперь с этого решения его не сдвинуть. Он наконец обрел дар речи.

– Вот что, Димыч, эта история с певицей мне нравится все меньше и меньше… – Полозов, в душе натура артистическая, сделал вид, что крепко задумался, даже свел брови. – От нее за версту попахивает знаешь чем? Знаешь? Но, тут не вокзальный пивняк, чтобы мы употребляли низкую лексику. Раз уж мы взялись за это благородное дело, раз уж решились помочь женщине, то обратного хода нет. Должны помочь. В лепешку разобьемся, костьми ляжем, но вытащим бабу. И точка. И абзац.

В переводе на русский язык эта патетическая тирада означала только одно: Дунаева заплатила вперед, и заплатила ровно столько, что Юрий Семенович готов на все, хоть лопатой дерьмо кидать, только бы не возвращать деньги обратно. Впрочем, самому грязной работой все равно заниматься не придется. Для этого существуют люди вроде Радченко.

– Твои соображения, Димыч, я изучил. Логика есть. Но наша контора не занимается мероприятиями с душком. Репутация дороже денег и все такое. Мы не можем подставляться даже из-за этой прекрасной женщины. Кстати, ты ее как? Ни-ни? Даже близко не подпустила,

да? Ну, у тебя еще все впереди. Когда дело закроем, поверь мне на слово, эта цыпочка повиснет на твоей шее. И не оторвешь. Да, старик, завидую. Черт побери, где мои семнадцать лет? Ты получаешь женщину, о которой мечтает каждый мужик, у которого в штанах не кулек с тряпьем, а то самое, что должно быть в штанах. И плюс к этому шикарную премию. Господи! Мне бы хоть раз так повезло.

Человек, проработавший с Полозовым хотя бы год, успевает изучить язык его иносказаний. Итак, Юрий Семенович окончательно уверовал, что у дела перспектив с гулькин нос. Дневник покойного брата певицы не найти. Если он и существовал, менты нашли его и спалили записи в корзине для бумаг. Отправителя анонимных фотографий разыскать и того сложнее. Впрочем, если Радченко сумеет пробить лбом стену, а лоб у него сделан не из мягких пород дерева, значит, призрачный шанс замаячит. Пусть попробует. Но фирмы «Саморуков и компаньоны» вся эта бурная деятельность не должна и краем касаться. С сегодняшнего дня Димыч получит полный расчет и трудовую книжку, где записано, что он уволен по собственному желанию.

Сегодня же он будет оформлен на должность адвоката в юридическую компанию «Братья Черновы», подставную контору, часто переживающую банкротство, меняющую адреса и штат сотрудников. Сейчас там пыхтят пара начинающих юристов, консультирующих население, два пенсионера, специалиста по арбитражам, один спец по гражданскому праву и один – по семейному. Это костяк конторы. Остальные работники – это так. Съемные винтики вроде Радченко. По существу, через эту шарашку проворачивают рискованные или сомнительные дела, за которые серьезная фирма не возьмется. Если у Димыча все получится, Полозов отлично заработает. Если масть не пойдет, дело начальника – сторона. Полозов уже успел переоформить все бумаги и договор с Дунаевой, поэтому теперь дышит глубоко и спокойно.

– Вот у тебя список кандидатов, людей, кому выгодно пугнуть артистку страшными фотками, а заодно попортить ей кровь, свести личные счеты… – Полозов прочертил ногтем линию вдоль листа бумаги. – Список внушительный. На первом месте супруг Ольги Петровны Гвоздев. В чем его выгода?

Радченко раскрыл папку с бумагами.

Гвоздев и Дунаева поженились восемь лет назад. Он преуспевающий бизнесмен, она певица с будущим. Хороший союз, образцовая семья. Фотографии в глянцевых журналах, передача на телевидении и прочая мишура быта. Через год родился сын Максим, от которого без ума и отец, и мать. Дела Гвоздева идут в гору: оптовая торговля мебелью, он один из крупнейших поставщиков санфаянса, керамической плитки, декоративных строительных материалов.

Два года назад начались неприятности с таможней, а потом к делу подключается прокуратура. По слухам, Гвоздев перетаскал в высокие кабинеты много наволочек, набитых грязным налом, чтобы замять это дело. Два ближайших компаньона разорились, один застрелился или ему помогли пустить пулю в висок, – управляющий компании надолго обосновался в Республике Коми под Воркутой. Наш герой вышел из этой битвы с огромными потерями, то есть почти без денег, и с подмоченной репутацией. Он уговаривает супругу купить землю в одном из самых престижных рублевских поселков, построить там прекрасный особняк. По самым скромным подсчетам, затея обошлась в пять-шесть миллионов долларов. Земля, дом, внутренняя отделка, эксклюзивная мебель и много чего еще. Земля и строение оформлены на супругов в равных долях. Хотя платила одна Дунаева.

Но тут начинается эта темная история с ее братом. После его смерти сестра получает фотографии зверски убитых женщин. А ее супругу по почте доставляют письмо. В нем вся история Дунаевой и ее брата. Якобы Ольга Петровна знала, что Олег патологический маргинал и садист, убивающий женщин. Она могла остановить брата, могла пойти в милицию, но все тянула, по-женски рассудив, что все рассосется само собой. И еще она хотела сохра-

нить брак, боялась, что подрастающий сын узнает про все эти ужасы. Гвоздев подает на развод, на имущество супругов временно наложен арест. До суда, который может затянуться надолго, Дунаева не имеет права продавать вещи, дом, машину и прочее. Сын Максим остается с отцом. Гвоздев угрозами и шантажом добьется того, что все имущество певицы отойдет ему. И сын останется с ним. Сейчас Гвоздев вертит женой как ему вздумается, разрешает видеться с Максимом один раз в две недели.

– Получается, что Гвоздев мог сам отправить жене фотографии, нагнать страху, а потом оставить ее без гроша в кармане. Так?

– Почему бы и нет? – пожал плечами Радченко. – Когда речь заходит о больших деньгах, люди способны и не на такое.

– На Гвоздева у нас ничего нет. – Полозов закурил новую сигару. – Я поручу кому-нибудь поинтересоваться жизнью этого типа. Хотя похоже на то, что мужик воспользовался ситуацией в своих целях. Но сам он не стал бы отправлять жене фотографии. Да и откуда ему взять эти снимки? Установлено, что снимки трупов сделаны судебным фотографом в рамках того самого краснодарского дела. Каким образом фотки из розыскного дела попали к этому хрену собачьему?

– Могли менты слить. За приличное вознаграждение.

– Димыч, мысли глобально… – Полозов поправил узел галстука. – Гвоздев наверняка живет в страхе, боится, что прокуратура снова вдруг вспомнит о нем. А такое случается сплошь и рядом. И тогда он уже не откупится. Хрен с ним с Гвоздевым. А у тебя сейчас другие задачи. Пойдешь в кадры и напишешь заявление по собственному. В бухгалтерии получишь деньги на расходы. В тратах не стесняйся, плати кому надо и сколько надо. Сегодня же оформляйся на работу к «Братьям Черновым». Ну, ты знаешь, что делать.

– Уж знаю, – кивнул Радченко.

– Суток тебе хватит, чтобы закруглить московские дела, покаяться жене во всем. И на коленях вымолить прощения за измены.

– Мне не в чем каяться, – округлил глаза Радченко, который никак не мог привыкнуть к своеобразному юмору шефа. – Я ей не изменял. Никогда.

– Ну, значит, все еще впереди. Попросишь прощения за будущие измены. Авансом. Послезавтра выезжаешь в Краснодар. Дунаева набросала список мест, где брат мог держать свои записи. Рой носом землю – найди этот дневник. Если удастся доказать, что этот Олег не имел к убийствам никакого отношения, значит, мы не зря едим хлеб. Твой план я утверждаю. Помогать тебе будет Игорь Тихонов. Ты его знаешь. Детектив на вольных хлебах. Сотрудничает с нами, когда мы беремся за дело вроде этого. Человек он квалифицированный, мужик крепкий. На этом все. Желаю успехов. Надеюсь, жена тебя за все простит.

Отложив сигару, Полозов поднялся из-за стола, похлопал подчиненного по плечу и велел кланяться жене.

* * *

Город затопили светло-фиолетовые сумерки, когда Девяткин вышел из центральной проходной и неторопливо побрел вверх по бульвару к кинотеатру «Россия». На сегодняшний вечер у него были кое-какие планы: он обещал одной интересной женщине, метрдотелю ресторана «Московские узоры», заглянуть после работы в ее заведение, которое закрывается около часу ночи. Он посидит за кружкой пива, послушает музыку, а потом довезет Галочку на такси до ее двухкомнатной квартиры в районе Беговой. Сегодня слишком жарко и всякая мысль о половой близости внушает отвращение, да и настроение не то, но у Галочки есть кондиционер, а настроение штука переменчивая. Завтра суббота и можно подольше не вста-

вать с постели – в этот раз дежурить не ему. И вообще любой человек, даже мент, следователь с Петровки, имеет право на личную жизнь. Это право пока никто не отменял.

Когда Девяткин остановился, чтобы высморкаться в цветочную клумбу, кто-то тронул его за локоть. Обернувшись, он увидел перед собой Елену Петровну. Она вышла из здания ГУВД часа полтора назад, и все это время она в своем нескладном платье с шифоновыми рукавами торчала тут, на жаре, дожидаясь его, будто других дел нет. Слезы на щеках давно высохли, большие голубые глаза глядели осмысленно.

– Я отниму у вас не больше пяти минут, – скороговоркой выпалила Ефимова, будто боялась, что собеседник выдернет руку и уйдет.

– Отнимите хоть целый час, – нашелся с ответом Девяткин. – Я полностью в вашем распоряжении. Может, присядем?

Он кивнул на пустую скамейку. Вдова отрицательно помотала головой.

– Я знаю, что там произошло, ну, в этом гараже, – не выпуская руки Девяткина, сказала она. – Все знаю. До мельчайших подробностей. И не спрашивайте откуда. Вы ушли разговаривать по телефону. А моего мужа хладнокровно убили. Стреляли с трех метров, почти в упор. И у него не было никаких шансов. Правильно?

– Правильно. – У Девяткина не осталось сил, чтобы соврать. – Вы убеждены: я виноват в том, что остался жив, а вашего мужа… Это правда – мы облажались. Не проверили тот гараж, не заковали Перцева в наручники. Но ведь это сплошь и рядом происходит. Я выезжал на места преступлений вместе с подследственными десятки, если не сотни раз. Случалось, арестанты пытались бежать. Но мы были готовы к таким фокусам. Оперативники знали заранее, чего ждать от арестованного. А этот Перцев оказался большим сюрпризом. Он не был судим, даже не состоял на милицейском учете. Убил одного картежника и его телохранителя под горячую руку, во время ссоры. Преступление из разряда бытовых. И вдруг… Какой-то очень богатый и очень авторитетный человек захотел вытащить этого Перцева из тюрьмы. И вытащил.

– Не оправдывайтесь, я не за этим вас ждала. – Ефимова крепче ухватила Девяткина за локоть и притянула ближе к себе.

– Тогда зачем?

– Я слышала о вас, ну, знаю, что вы за человек.

– Интересно услышать что-то новенькое о себе самом, – улыбнулся Девяткин. – И что вам наплели? Ну, рассказывайте?

– Слышала, что вы, как сейчас говорят, крутой мужик. Вас не раз отстраняли от работы за превышение полномочий, за методы… Ну, которые несовместимы с должностью майора милиции. Когда вы чуть не до смерти избили одного бандита, у которого нашлись влиятельные друзья, вам предложили альтернативу: рапорт на стол или ссылка. Выбрали второй вариант. И отправились в какую-то глухомань ловить местную шпану.

– Иногда там рыбка покрупней попадалась, – поправил Девяткин. – И мокрушники, и гопники, и насильники. Работы хватало, я не жаловался. Кстати, в том городе мне выделили дачный участок, я купил щитовой домик, начал строить веранду и чуть было не женился. Наверное, деревья, что я посадил, уже немного подросли. А в истории с тем бандитом, из-за которого меня чуть из милиции не турнули, я жалею только об одном. Что до смерти его не замордовал. Отменная тварь, редкостная. На его совести трупов больше, чем у вас пальцев. Правда, совесть он в детстве с соплями съел. Кстати, этот гад все равно плохо кончил. То есть совсем плохо. И заметьте: без моего участия.

– А вот мой покойный муж был человеком иного склада. Книги, книги… Телик почти не смотрел. Немного робкий, даже застенчивый. Он был очень честным человеком. Он умел стрелять, но не успел. Тогда, в гараже. Не успел.

– Давайте о деле… – Девяткин забеспокоился, что снова все кончится слезами. А он не носил жилеток, в которые можно поплакаться. – Мы ведь говорили обо мне. Ну, крутой мужик, немного без тормозов. Возможно, так и есть. Но это лишь грубая внешняя оболочка. Здесь, – Девяткин постучал себя кулаком по груди, – бьется чуткое и ранимое сердце. По жизни я нежное создание. Пишу стихи на туалетной бумаге, а потом использую бумагу по ее прямому назначению. Чтобы никто не прочитал мои вирши.

– Я не в том состоянии, чтобы понять и оценить ваши шутки…

Ефимова вытащила из сумочки и сунула под нос собеседника фотографию, где на диване сидел краснощекий ребенок трех лет. Он держал на коленях отцову прокурорскую фуражку с синим верхом. Малыш смотрел в объектив очень серьезно, не улыбаясь. В голубых глазах светилась такая печаль, будто мальчик знал, что скоро потеряет отца.

– Это наш ребенок, Митя. Он даже не запомнит Леню. Потом, когда немного подрастет, узнает об отце из моих рассказов и по фотографиям.

– Меня трудно разжалобить, – сказал Девяткин. – Но вы своего добились. Очень жаль вас и вашего Митю. Расти без отца… Короче, мне это знакомо. Матери было очень трудно поднимать меня и сестру. А я особенно не радовал ее ни оценками в школе, ни поведением на улице. Когда мою мать ушли на пенсию, она устроилась продавщицей в газетный киоск. Не могла без работы. Так и трудилась до недавнего времени. Впрочем, это другая тема. Мы хорошо поговорили в кабинете Богатырева. И я пообещал твердо: убийцу мы вычислим. Не знаю, сколько это займет времени, но результат будет.

Ефимова снова за локоть потянула Девяткина ближе к себе и заговорила шепотом:

– Я хочу от вас только одного. Найдите эту тварь и убейте. Пристрелите, как он пристрелил моего мужа. Пообещайте мне сделать это.

Девяткин дернул рукой и отступил на шаг:

– Какая вы кровожадная. Может быть, вы слышали по радио или в газетах читали, что в этой стране существуют законы. Есть Уголовный кодекс. Есть суд. Даже присяжные заседатели и те по местам сидят. Это они выносят приговоры. А исполняет их не Девяткин. Исполняет ГУИН. Как вам это нравится? Ну, такое государственное устройство? Если не нравится, езжайте куда-нибудь в Латинскую Америку или в Африку. Там с исполнением приговоров нет проблем.

– Бросьте трепаться… – Ефимова прищурила блестящие от волнения пронзительно-голубые глаза. – Прошу вас еще раз: найдите и убейте эту тварь. Поступите так, как он поступил с моим мужем.

Девяткин дернул рукой.

– Фигня, – сказал он. – Все, что вы тут несете, фигня. Полная околесица. Я не убийца. Кроме того, я сделал выводы из тех историй, что со мной случались в жизни. И еще: я не делаю таких странных противозаконных одолжений. Даже женщине. Даже если эта женщина мне очень симпатична.

Он резко повернулся и зашагал вверх по бульвару. Он услышал за спиной, как женщина всхлипнула, и прибавил шагу.

Глава четвертая

Утром после короткой оперативки Девяткин занял рабочее место, вызвал старшего лейтенанта Сашу Лебедева, кивнул на стул и постучал кончиком карандаша по столешнице. То был сигнал собраться и максимально сосредоточиться.

– Мы не первый и даже не сотый раз устраиваем выводок, то бишь проверяем действия подозреваемого с выездом на место, – сухо бросил он. – Но обосрались так, что на меня в коридорах пальцем показывают и смеются за спиной.

Лебедев, верзила почти в полтора центнера весом, расплылся на стуле, как подтаявшее желе, и поник могучей головой. Он чувствовал вину за то, что именно он сидел в машине, боясь выйти под дождик. Сидел и разгадывал кроссворд, когда Перцев положил прокурора, едва не хлопнул Девяткина, а сам намылил лыжи.

– Про начальство я уже не говорю, – продолжал Девяткин. – Отписываюсь целыми днями, работать некогда. Докладные и рапорты надо уже килограммами измерять. А когда вызывают на ковер и ставят в позу, вспоминаю, что не взял с собой вазелин. Потому что в башке только одно крутится: Перцев, Перцев… Ни черта не вижу кроме самодовольной морды этого хрена. Вот такие со мной вещи происходят.

Не зная, что ответить, старлей тяжело засопел.

– Личность Перцева с грехом пополам установили еще в ходе следствия… – Девяткин постучал карандашом. – Но легче от этого не стало. Ни контактов, ни друзей, ни подруг. Ни черта мы о нем не знаем. Я уже начинаю думать… нет, не о самоубийстве. Не радуйся раньше времени. От меня такого подарка не дождетесь. Начинаю думать: а тот ли человек наш герой, за которого себя выдавал? Конечно, это лишь предположение. Смекаешь?

– Личность-то установлена. – На минуту Лебедев обрел дар речи. – Следак, который вел дело, посылал запросы. Ну, бабе его в Ульяновск.

– Пьянчужке-то? Она свое-то имя вспоминает только по государственным праздникам. Эта лярва не в счет.

– Матери запрос отправляли. Если мать своего сына узнала…

– Да, с этим сложнее, – кивнул Девяткин. – Ну, с матерью еще будем разбираться. А ты пока займись вот чем. Мы знаем внешность Перцева. У нас на руках два десятка его карточек. В анфас и профиль. Знаем рост, вес, цвет волос. Короче внешние данные. Знаем, что он не судим и на милицейском учете не состоял – это сто раз проверяли. Еще у нас есть его пальчики. Так вот, возьми его дактилоскопическую карту. И пробей ее.

Лебедев поднял на начальника удивленные глаза, но возразить не осмелился.

– Отправишься в Главный информационный центр МВД и встанешь на колени перед какой-нибудь сотрудницей уголовно-регистрационной службы. Выбери самую страшненькую, к которой мужики не каждый день подъезжают. Подари цветы, конфеты и себя самого. Залезь в информационно-поисковую систему «Паспорт». Ну, с помощью нее устанавливают похищенные, утраченные паспорта и паспорта разыскиваемых лиц. Вдруг наш Перцев терял паспорт? Если терял, то когда, где и при каких обстоятельствах.

– А чего нам его паспорт?

– А то, что при задержании при нем не было документов. И на съемной квартире их не нашли. Он назвался Перцевым, сказал адрес. Следователь направил в Брянск запрос и фото, а мать подтвердила, что человек на фотографии и есть ее сын. Кстати, поменьше задавай вопросов. Уясни себе: ты отрабатываешь трудовую повинность. Нечто вроде наказания за наш крутой прокол. Не все же мне одному отдуваться.

– Это конечно, – кивнул Лебедев.

– Когда закончишь с системой «Паспорт», начинай лопатить карточки лиц, пропавших без вести, и неопознанных трупов, обнаруженных в течение последних трех лет. Дальше забираться нет смысла. В каждой карте есть фотография и пальчики жмурика. Если отпечатки какого-то жмура совпадут с отпечатками Перцева, считай, ты реабилитирован. Заслужишь мое устное поощрение. Но премию твердо не обещаю.

– Без вести пропавших и неопознанных трупов за три года легко наберется тысяч сто, – робко возразил Лебедев. – Такая работа, адская, колоссальная, а толку от нее все равно не будет. Рупь за сто даю – бесплатный номер.

– Не вешай нос раньше времени. Сто тысяч – это только звучит страшно. Отбрось женщин, стариков, детей и подростков. В сухом остатке тысяч двадцать не наберется. Короче, я жду результатов. А теперь закрой дверь с той стороны.

Когда старлей вышел, Девяткин постучал карандашом по столу и сказал самому себе:

– Мать Перцева – вот заноза в заднице. Опознала… мать его.

* * *

Радченко застегнул молнию чемодана, закрыл замки и оттащил багаж в прихожую, где уже стояли сумка с ноутбуком и потертый портфель из свиной кожи. Такси заказано на три часа, значит, в его распоряжении еще двадцать минут. Он зашел в спальню, где жена гладила рубашку, выдернул из розетки штепсель утюга, подошел к Гале сзади, одной рукой обнял за плечи, другой – провел по округлившемуся животу. Уже восемь месяцев сроку, возможно, командировка затянется, он вернется в Москву отцом.

– Ты не успеешь с рубашкой, – сказал он жене и еще раз погладил ее по животу. – К тому же у меня и так шмоток – через край. Едва поднимаю чемодан.

Галя повернулась к мужу, поцеловала его в губы:

– Присядем на дорожку?

– Конечно, как водится… – Радченко говорил твердым уверенным голосом, словно хотел передать жене долю оптимизма.

Дима уселся на пуфик, Галя опустилась на мягкую кровать. Сегодня она выглядела неважно: ночью мучилась бессонницей и приступами тошноты. И уснула только под утро. Лицо, не тронутое загаром, совсем бледное, глаза тусклые, усталые.

– Ты так и не сказал, когда вернешься… – Жена смотрела на него с грустью.

– Точно не знаю… – Дима пожал плечами. – Зависит от обстоятельств.

Дима подумал, что частный сыщик Игорь Тихонов, с которым ему предстоит работать, выехал на место тремя днями раньше. За это время он многое успел. Купил на автомобильном рынке подержанные, но еще вполне приличные «Жигули» и «Газель». На окраине города в частном секторе снял для Радченко угол, точнее, небольшой флигель: комната и летняя веранда, увитая виноградом. А хозяйке, пенсионерке Степаниде Рябовой, объяснил, что будущий постоялец – человек большого ума, и к тому же аккуратный, он научный работник из Москвы и приедет сюда, чтобы в тишине и покое поработать над кандидатской диссертацией. Не торгуясь, Тихонов заплатил за месяц вперед, и теперь растроганная старуха к приезду научного работника спешно гнала самогон.

– Хоть скажи: чем ты сейчас занимаешься? – Галя старалась глядеть весело, но не получалось. Будто чувствовала, что мужу предстоит не самое приятное путешествие. В семье не принято говорить о делах Радченко, называть имена его клиентов. – Ну, один раз скажи. Пожалуйста…

– Тебе легче станет?

– Легче. Когда знаешь, всегда легче.

– Ну, в Краснодаре один предприниматель, владелец парочки заводов по производству подсолнечного масла, разводится с женой, – легко соврал Радченко, вспомнив одно прошлогоднее дело, которым занимался его коллега. – Местный олигарх, король подсолнечного масла. И этот хмырь не хочет ничем поделиться с супругой. А та, натурально, возражает против такой несправедливости. Обратилась к нам за помощью. Когда ее муж, только разворачивал свои предприятия, брал у жены крупные суммы денег. Естественно, без расписок. Она из обеспеченной семьи, ни в чем супругу не отказывала, даже рада была помочь. А когда он сделался слишком крутым, то сразу позабыл и о жене и о долгах. Мы поможем этой женщине восстановить справедливость. Надо собрать кое-какие бумаги, найти свидетелей. Короче говоря, это не дело, а курорт.

– А с каких пор ты берешься за бракоразводные процессы? Ты всю жизнь специализировался на уголовном праве.

– Когда нет хорошего уголовного дела, можно и семечки пощелкать… – Он придвинул ближе к кровати пуфик и взял Галю за руки. – Кстати, в случае победы, а мы победим, мне светит неплохая премия. В Краснодаре погода сейчас просто шикарная. А до моря можно быстро доехать на машине. Вернусь загорелым, полным сил. Стану тебя целыми днями на руках таскать.

– Через недельку?

– Что через недельку?

– Вернешься…

– Давай не будем загадывать. Черт знает, как эта байда сложится. Обещаю звонить каждый день. Ты помни, что я тебя очень люблю. И нашего ребенка люблю.

Дима подумал, что слишком поздно встретил свою настоящую любовь. Когда они познакомились, ему уже стукнул тридцатник. И с ребенком затянули. Но теперь без передышки они сделают второго парня. О том, что родится именно мальчик, Радченко знал точно. Он взглянул на часы и поднялся. Галя тоже встала, она обняла мужа, прижалась к его плечу щекой и почему-то заплакала. Видно, не поверила в сказку о разводе короля подсолнечного масла. Вот жизнь: он еще не успел уехать в Краснодар, а уже мечтает оттуда вернуться.

* * *

Щелкнул замок, Юрий Девяткин перешагнул порог и, нашарив рукой выключатель, врубил свет. Следом за гостем в квартиру робко, как-то боком, вошел ее хозяин Олег Родионович Скорик. Он осмотрелся, потеребил бородку клинышком и, вытащив носовой платок, протер безупречно чистые стекла очков.

– С чего начнете?

– Окна открою – тут дышать нечем.

Девяткин прошел в комнату, раздвинув занавески, распахнул дверь балкона. Налетевший ветерок не принес прохлады. Солнце жарило на всю катушку, хилые молодые тополя в сквере под окном не подавали признаков жизни. Девяткин повесил пиджак на спинку стула, прикурил сигарету, прошел в спальню и, покосившись на двуспальную кровать с резной полированной спинкой, распахнул форточку, надеясь, что сквозняк немного освежит застоявшийся воздух, но полуденный зной уже без остатка сожрал утреннюю прохладу.

Игорь Перцев снял двушку в районе Ленинского проспекта в конце января. В ходе следствия он пояснил, что прибыл в столицу из Ульяновска, чтобы заняться мелким бизнесом или найти приличную работу, как-никак он не какой-нибудь безграмотный лох, а человек со средним техническим образованием. Но быстро выяснилось, что специалистов с образованием в Москве – неводом не переловишь. И бизнесменов – как грязи. Сунуться в столицу

без знакомств и связей, рассчитывая на приличное место в частной фирме, – дурость высокой пробы.

Пережив горькое разочарование и на своей шкуре убедившись в том, что Москва слезам не верит, Перцев попытался испытать счастья в казино, но только усугубил свое сложное финансовое положение. Личные сбережения таяли, гак грошовая свечка в жаркой церкви. Но Перцев не вешал нос, он стал искать контакты со старым знакомым Геной Салимовым, авторитетом-бизнесменом. Авось тот приткнет старого приятеля на приличную работу. Встреча состоялась, но закончилась плохо. Перцев пристрелил Салимова и его телохранителя, потом пытался скрыться с места происшествия, но был задержан.

Девяткин минуту постоял посередине комнаты. Он и вправду не знал, с чего начать. Не знал, что собирается искать в этой чертовой жаркой, как доменная печь, квартире и зачем, собственно, пришел сюда. Он вернулся в большую комнату, присев к письменному столу, начал один за другим выдвигать ящики, перетряхивая их содержимое. Колода карт, очки в золотой оправе с простыми стеклами, гусиное перо, еще одна колода карт, эта запечатанная, романы из иностранной жизни в бумажных обложках, пачка презервативов.

– Если что нужно, вы, пожалуйста, спрашивайте… – Скорик сидел на краю стула. Лицо его раскраснелось от напряжения, беспокойные руки никак не могли найти себе место. Хозяин квартиры гладил себя по ляжкам, хлопал по карманам, будто искал спички. – Только спросите.

И Девяткин задал первый пришедший на ум вопрос:

– Презервативы твои?

– Я научный работник… – Скорик замер на стуле и выпучил глаза. – Такими глупостями не занимаюсь. У меня внуки.

– А карты?

– И карты не мои.

– А чьи? – нахмурился Девяткин. – Колхозные?

Он поднялся, распахнул дверцы серванта и стал переставлять с места на место посуду и коробочки с рюмками и стаканами. Потом приступил к осмотру дивана, кресел и тумбы, где пылились транзисторный приемник, коробка с просроченными лекарствами и прочий бесполезный хлам. Разочарованный результатами поисков, Девяткин отправился на кухню, присел у окна и закурил.

Молодой следователь МУРа, который по поручению прокуратуры вел дело Перцева, не особо вникал в нюансы личной жизни и быта подозреваемого. При внимательном рассмотрении все рассказы Перцева – пустой звон. Он находится в стесненных обстоятельствах, но почему-то подумывает об открытии собственного бизнеса. Снимает дорогую двухкомнатную квартиру неподалеку от центра, хотя впору переехать на окраину или за город. Здесь провели обыск, но не нашли ни оружия, ни боеприпасов, ни наркотиков, ни записной книжки, ни даже мобильного телефона. Хату на всякий случай опечатали, но вскоре печати сняли, а хозяев строго предупредили, что пока идет следствие, новые постояльцы здесь появляться не должны.

По месту прошлой регистрации Перцева ушел запрос. Выяснилось, что женщина, которую он называл гражданской женой, единственной близкой душой на всем белом свете и своей самой большой любовью, – молодая потаскушка, лишенная родительских прав за пьянство и антиобщественный образ жизни. Она не сразу вспомнила любовника, заявив, что Перцев последний раз показывался на глаза месяцев семь назад. Ночевал две ночи и сгинул в неизвестность, оставив немного денег на пропой. Поиск объекта через информационно-поисковую систему МВД России ничего не дал. Перцев не судим, на милицейском учете не состоял, контактов с криминальными авторитетами не поддерживал.

Да, жизнь этого субъекта большое белое пятно. Служил в Мурманске в особом батальоне разведки морской пехоты, учился на радиомонтажника, работал могильщиком в Сызрани, изредка навещал мать, потом надолго исчезал. Появлялся и исчезал снова. Ни жены, ни детей, ни собаки не завел.

* * *

Перевернув вверх дном кухонные полки, рассыпав по полу рис и гречневую крупу, Девяткин вернулся в спальню, позвал хозяина и вместе с ним стащил с кровати тяжелый матрас. Только зря вспотел. Затем методично осмотрел вещи в бельевом шкафу, отметив, что костюмы Перцев покупал не на вещевом рынке. Все шмотки фирменные и дорогие. Но в карманах ничего, если не считать фантиков от мятных конфет и пары распечатанных пачек фруктовой жвачки. На дне шкафа стопка похабных журналов с множеством цветных фотографий. Полистав один из них, Девяткин внимательно рассмотрел картинки и строго глянул на хозяина.

– Не мой журнал, ей-богу, не мой. – Скорик прижал руки к груди.

– Куда в твоей квартире не сунешься, что в руки не возьмешь, все не твое, – сурово покачал головой Девяткин. – А еще ученый человек.

От волнения Скорик еще энергичнее захлопал ладонями по ляжкам и по карманам. Потоптавшись за спиной сыщика, долго кашлял в кулак, пока не отважился на вопрос:

– А скоро закончится обыск? У меня ученый совет в четыре. Это очень важно.

– Я уже говорил: это не обыск. Нет протокола, понятых. Ничего нет. Просто осмотр квартиры, который я провожу с твоего разрешения. А ученый совет… Что ж, выступи и скажи коллегам правду. Ты ведь честный человек? Вот и скажи как есть. Из корыстных побуждений пустил к себе на квартиру жестокого убийцу, который отправил на тот свет трех граждан. Включая следователя московской прокуратуры. И послушай, что тебе ответят коллеги по научному цеху. Уверен, что после этого твоя карьера попрет вверх как на дрожжах.

Скорик скорбно сжал губы и вытер со лба испарину.

– Или мне прийти и все выложить на твоем совете? – настаивал Девяткин. – Выйду на трибуну и поведу свой неторопливый рассказ.

– Так ведь каждому в душу не заглянешь. Этот Перцев просто постоялец.

– Ты еще огрызаешься? – Девяткин так глянул на хозяина, что тот отступил на шаг и дернул головой, будто схлопотал пощечину.

Осмотр квартиры продолжался еще добрых часа полтора. Девяткин, измученный жарой и духотой, вынужден был капитулировать. Попив воды из крана, он надел пиджак, вышел в прихожую и показал пальцем на пустую телефонную розетку.

– Почему нет телефона? – грозно спросил Девяткин. – Где аппарат?

– Его забрали при обыске, – безучастный ко всему, Скорик ответил. – И тут же, рядом с телефоном, кресло стояло. Кресло я в большую комнату перетащил. Чтобы не мешало милиционерам.

– Где именно стоял аппарат?

Скорик показал пальцем на тумбочку. Присев на корточки, Девяткин пригляделся к рисунку светло-серых обоев и едва заметной надписи карандашом: «Викинг», шоссе Энтузиастов, дальше неразборчиво. Зато имя читается хорошо: Роман. Кажется, Перцева почерк. Девяткин оторвал клок обоев, сунул бумажку в карман и, не попрощавшись, вышел из квартиры.

* * *

Ольга Петровна нагрянула на квартиру своего продюсера Телецкого неожиданно, без звонка. И с опозданием поняла, что выбрала для важного разговора не лучшее время. Павел Моисеевич, следивший за фигурой и весом, разминался в спортивном зале. Он не любил, когда в эти минуты к нему пристают с просьбами. Но отступать было некуда. Дунаева устроилась на жесткой скамейке в углу и стала ждать. Телецкий, облаченный в майку без рукавов и короткие спортивные трусы, неспешно тягал штанги и гантели, а в перерывах между подходами нехотя шевелил языком.

– Ты думаешь, что я целыми днями ищу и пестую молодые дарования? – Он вытер полотенцем мокрое от пота лицо. – Я хотел класть на все дарования. И молодые и старые. Класть с прицепом. И ты это прекрасно знаешь. Я не занимаюсь музыкой, я делаю деньги. Это просто бизнес. Никаким искусством здесь не пахнет. Пахнет деньгами. И этот запах мне нравится.

Он понюхал полотенце, будто приятный запах исходил именно от него. Поднялся с лавки, посмотрел на свое отражение в огромных зеркалах, укрепленных на стенах, и, кажется, остался недоволен своим отражением. В спортзале Телецкий не показывался пару недель. И сегодня пришел сюда основательно поработать над прессом и талией, которые заплыли розовым жирком. Подкачать грудь и мышцы спины. А вместо этого вынужден объясняться с Дунаевой.

Упущенная прибыль от ее несостоявшихся весенних гастролей – это чистая астрономия. Работа над диском тоже остановилась. Впрочем, компакт-диски большого навара не приносят, продашь тираж в восемь тысяч – уже хорошо. Золотая жила – это гастроли. А последние месяцы Дунаева не в форме. С мужем тянется бракоразводный процесс. В апреле на фоне этих волнений голос пропал. Голос вернулся, но гастроли все равно сорвались. А тут истек договор со студией звукозаписи. И пошло, и посыпалось…

«Голос, которого не было, – со злостью подумал Телецкий. – Скорее, карманный голосишко. С такими вокальными данными только в самодеятельности выступать». А вслух сказал:

– Оля, я всегда восхищался твоими вокальными данными. Твоим фирменным стилем исполнения. Пластикой, умением держаться на сцене… – Телецкий остановил поток комплиментов, решив, что сейчас для них неподходящее время. Да и переборщил он с похвалами. Настал момент истины, а не словоблудия. – Ты знаешь, что я отношусь к тебе как к родной. Но я не бог, от меня нельзя требовать невозможного.

– Я пока ничего не требовала.

Ольга Петровна заерзала на скамье. К разговору с продюсером она готовилась со вчерашнего дня. Надо убедить Телецкого дать ей еще один, возможно последний, шанс подняться. Она отрепетировала перед зеркалом свой страстный и убедительный монолог, готовый разжалобить даже неодушевленный предмет. Но все слова растерялись, то ли от волнения, то ли от сознания того, что Певел Моисеевич все решил без нее. Он обдумывал ситуацию ни день и ни два, советовался с прихлебателями, которых у него без счета. Она пришла слишком поздно. Если бы на той неделе. А лучше месяц назад.

– Оля, если ты хочешь говорить серьезно, я не против… – Телецкий заправил майку в трусы. – Вот послушай. Я одновременно занимаюсь тремя проектами. Тащу тебя, трех девок из группы «Блеск» плюс Димку Озерова. И эта ноша мне не по силам. Музыкальный продюсер, если он не полный дебил, мечтающий нажить грыжу, занимается только одним проектом. Только одним. Озерова оставлю, потому что это не парень, а мешок с налом. От

«Блеска» избавлюсь к осени. Или к зиме. Пока не решил. А с тобой… С тобой у нас не складывается. Это бизнес, Оля. Только бизнес. Без обид.

Сказав главное, Телецкий дал Ольге Петровне время проглотить и переварить горькую пилюлю. Сам лег спиной на скамью, обхватил руками гриф штанги, снял ее со стоек, сделал десять жимов с груди. Выждал минуту и повторил упражнение, выполнив восемь жимов. И так еще пять подходов. Закончив базовое упражнение, поднялся на ноги, встал перед зеркалом. Задрав майку, помял, растер ладонями до красноты свои толстые какие-то бабьи груди.

– По договору твой псевдоним Дунаева принадлежит мне, – сказал он, присаживаясь на скамью. – За последние месяцы это имя упало в цене в разы. Только задумайся – в разы. Сегодня ты пятьдесят восьмая в рейтинге певцов, хотят видеть на корпоративных вечеринках богатые люди. У меня нет достойных приглашений. Только одно дерьмо, где платят гроши. Съезд ветеринаров в Волгограде, областное совещание потребительской кооперации в Перми, копеечная заявка из Подмосковья и прочий мусор. А ведь совсем недавно ты была в десятке. Тебя на части рвали. Но так устроен поганый мир: если ты уходишь в тень на целых четыре месяца, имя травой порастает.

– Паша, все встанет на круги своя. Дай мне время, потерпи хоть…

Сбившись на слезливую просительную интонацию, Ольга Петровна прижала руки к груди, но вспомнила, что продюсер ненавидит театральную патетику и бесится от женских слез. Она опустила руки и вздохнула, постаралась вспомнить о человеческом достоинстве. Этому Паше, будь он неладен, она принесла столько денег, что их хватит, чтобы обеспечить красивую жизнь его внукам. Которых пока и в проекте нет. И вместо слов благодарности увесистый пинок под зад. В зале пахло прорезиненными матами и мужским потом. Во время занятий Телецкий не включал кондиционер – боялся, что его, разгоряченного, насквозь просифонит.

– А у меня терпежу нету, кончился, – отрезал Павел Моисеевич. – Пока твое имя хоть как-то котируется, пока оно не упало до нулевой отметки, я его продам. Покупатель есть. Познакомишься с ним через неделю. Это хороший продюсер. Ну, не то чтобы хороший… Он еще начинающий. Апломба много, опыт минимальный. Но есть желание работать. Авось с ним тебе повезет больше.

– Паша, я прошу немногого, дай мне месяц, чтобы прийти в себя. Я не желаю иметь дело с начинающим продюсером, который окончательно закопает меня. Увидишь, я снова войду в форму. И все наладится. Клянусь…

– Чтобы тебе снова подняться наверх, войти в обойму, нужны большие бабки. Надо снова вкладывать нал в твою раскрутку. Потому что каждому хрену собачьему с радио надо платить. Про телевидение я уж и не вспоминаю. В этой стране все наоборот. Не тебе платят за эфиры, а ты башлять должен. А у меня нет таких денег. А если бы были, не дал бы ни шиша. Потому что моему ангельскому терпению давно пришел конец. Я устал от твоих проблем. То ты с мужем разводишься, то намечается большая дележка движимого и недвижимого имущества. Потом ребенка станете делить. И конца не видно. Оля, ну, пойми же, я не альтруист, а бизнесмен.

– Но Паша…

– И еще у тебя натянутые отношения с нашей, мать ее, примадонной. Если какой артист ей не по вкусу, – все, карьера закончена. Ты что-то не то сказала бабушке русской эстрады, не так на нее посмотрела. И навсегда вылетела из тусовки.

– В тот день муж объявил о разводе. Я пришла на концерт вся в слезах. Я просто не увидела эту особу.

– Брось, слушать не хочу. Пойми, когда-то всем нам приходится уходить с большой сцены. Новый продюсер устроит тебе сносную жизнь. Концерты в маленьких городах, в небольших залах – это тоже хлеб. Это лучше, чем ничего.

– У меня совсем нет денег. Возникли непредвиденные расходы. Ну, по рублевскому дому. Оказывается, я еще прошлой весной заказала дизайнерской фирме цветники, декоративный фонтан и еще какую-то чепуху. И совсем забыла. Контейнеры пришли из Германии. Пришлось заплатить.

Ольга Петровна решила умолчать, что всю наличность оставила в конторе юридической фирмы «Саморуков и компаньоны». Посвятить Телецкого в страшные дела покойного брата, выложить ему все, как есть… После этого он просто схватит Дунаеву за шкирку, спустит с самой высокой лестницы. И в больницу не придет, чтобы узнать, сколько костей поломал своей солистке.

– Какие нежности при нашей бедности. – Телецкий отбросил полотенце в сторону и снова стал красоваться перед зеркалом. – Покупать цветники в Германии, когда в карманах нет ни хрена, кроме дырок. Вот она бабья логика. И дом на Рублевке под арестом. Твой бывший муж отсудит все, включая цветники. И правильно сделает. Таких дур, как ты, кто-то должен учить. Господи! Продай что-нибудь из своих побрякушек.

– Я никогда не собирала драгоценности. Колье и кольцо с крупным алмазом в банковской ячейке, оформленной на мужа. Ячейка тоже под арестом до суда. Хоть в долг дай, Паша. До лучших времен.

Телецкий встал, поднял гантели и стал попеременно выжимать их правой и левой рукой. Делал минутные паузы между подходами и снова качал железо. Закончив серию, сел на мягкий резиновый пол и дотянулся до бутылки с водой.

– Я сейчас не при деньгах. – Он вытер губы рукой. – Постараюсь устроить тебе какую-нибудь халтуру. Например, эпизод в кино. Тебя займут всего на пару дней. А заплатят вперед грязным налом. Или сделаю выступление на вечеринке по случаю десятилетия одной строительной фирмы. И комиссионных не возьму. Это все, что я смогу. Прости…

Ольга Петровна поднялась на ноги. Стараясь держать спину прямой, направилась через зал к двери. В глазах стояли слезы, она боялась, что сломается шпилька и она шлепнется на резиновые маты. А Телецкий снова начнет посмеиваться и приговаривать, что таких дур учить надо. Или что-нибудь порезче брякнет. Когда он не в духе, за словом в карман не лезет и выражений не выбирает.

Глава пятая

Девяткин оказался на проспекте Энтузиастов, когда жара немного спала, на раскаленный асфальт побрызгал дождь, оставив после себя мелкие лужицы. Заведение со звучным названием «Викинг» спряталось в глубине дворов. Среди старых пятиэтажек Девяткин разыскал пыльную витрину и укрепленную над ней вывеску, нажал кнопку звонка и долго ждал ответа. Наконец что-то запикало над головой, металлическая дверь приоткрылась. За тесным предбанником находилось помещение, напоминающее регистратуру медицинской клиники. Белые панели на стенах, стойка из пластика, за ней девица в полупрозрачном белом халатике, под которым не угадывалось нижнего белья, листала журнал мод.

– Меня зовут Лена. Чем могу помочь? – Девица привстала, окинула посетителя взглядом, сделав про себя какие-то выводы. Этот тип не похож на клиента, сюда заходят парни помоложе и покруче этого хрена ивановича. Они не носят костюмов и не признают галстуков. – Вы записаны?

Милицейское удостоверение не произвело на девицу ни малейшего впечатления.

– Нужно поговорить с вашим Куликом. – Девяткин, понимая, что девушка готова соврать, мол, хозяина нет на месте, опередил ее: – Я знаю, что он здесь.

– Но Сергей Аркадьевич занят. Подождите минутку.

Лена вышла из-за стойки и скрылась в темноте узкого коридора. Девяткин, упав в кожаное кресло, вытянул ноги и стал разглядывать цветные фото в рамках, развешанные по стенам. Женский живот, проколотый французской булавкой. Цветная татуировка льва на мужской груди. Русалка с зеленым хвостом на женском бедре. Разноцветная бабочка на лодыжке. Девяткин навел справки, в «Викинге» занимались декорированием тела: татуаж, пирсинг, бинди, перманентный макияж и прочее. Цены божеские и специалисты не самые плохие. Настоящий рай для неисправимых идиотов, кто хочет изуродовать тело бездарными и тупыми рисунками, кольцами в сосках или булавкой в члене, да еще заплатить за это дерьмо деньги.

Через три минуты Девяткин сидел в тесном кабинете хозяина салона, уставившись на худого мужчину с впалыми щеками, длинными, с проседью патлами, одетого в светлую безрукавку. По локоть руки Кулика были изрисованы змейками, ящерицами, крестами, стрелами и вязью арабских слов. Видимо, под рубашкой и штанами не осталось ни сантиметра свободной площади, потому что и шея Кулика, жилистая и тонкая, тоже оказалась покрыта наколками. Впечатление такое, будто он уже взял билеты в Японию, чтобы записаться в Якудзу. В кабинете работал кондиционер, поэтому мозги Кулика еще не расплавились от жары, взгляд ярко-голубых глаз оставался ясным и трезвым.

– Я не знаю никакого Романа. – Кулик потряс волосами и отодвинул от себя фотографию. – И этого человека тоже никогда не видел. И фамилию Перцев давненько не слышал. Впрочем, у меня учитель был в школе с такой фамилией. Но на карточке, кажется, не он. Поэтому, простите, ничем не могу помочь.

– А свои шуточки прибереги для лучших времен, – посоветовал Девяткин. – В камере «Матросской тишины» твой юмор оценят. А пока напряги память. А если сам не вспомнишь, я помогу. В два счета…

Девяткин убрал карточки и положил на стол тяжелый кулак.

– Это что, угроза? – Кулик усмехнулся и снова попытался сострить: – За то, что я не знаю человека по фамилии Перцев, могут припаять года три? Или на этот раз ограничатся административными мерами? Гражданин начальник, у меня честный бизнес. Люди хотят получить то, о чем они мечтают. И я дарю им эту мечту. А себе оставляю немного денег, на хлеб с маслом. Я даже налоги плачу.

– Ты сводишь наколки блатарям, жуликам и бандитам. – Девяткин прикурил и выпустил струю дыма в лицо Кулика. – Наверное, в последнее время ты много работал. Перенапрягся и частично потерял память. И я тебе, пожалуй, устрою вынужденный отпуск. Закрою твое кефирное заведение на месяц, до выяснения обстоятельств. Проведу обыск с выемкой печатей и штампов. Авось мозги встанут на прежнее место. Тогда и поговорим.

– Законом не запрещается выводить татуировки. А уж кто ко мне пришел, жулик или честный гражданин… У нас паспорта не проверяют. Можно назваться любым именем, если свое не нравится. И я не милицейский осведомитель.

– Уж больно ты грамотный, – усмехнулся Девяткин. – Но и мы тоже не в кулинарном техникуме учились. Ты делал наколки несовершеннолетним. Это разрешено законом лишь с письменного согласия родителей и в их присутствии. Так что обещание остается в силе. Я все-таки устрою тебе отпуск.

– Слушайте, но существует же этика. Если я начну на всех углах звонить о своих клиентах, их у меня не останется.

– Их у тебя и так не останется. Вспоминай, пока я не набрал волшебный номер и не вызвал группу силовой поддержки с Петровки. Эти парни тут церемониться не станут. На одном ремонте разоришься.

– Господи! Ну, где-то в конце февраля приперся этот тип, которого вы называете Перцевым. Сначала попросил свести татуировки на плечах. Я лично это сделал. Наколка была не слишком глубокой, любительское исполнение, поэтому при помощи шлифовальной машинки я справился за час. Следа не осталось. Только небольшое покраснение. Я наложил повязку, и мы расстались. Да, забыл… Еще он спросил, не работает ли сегодня Рома Крайнов. Я ответил, что Рома тут через два дня на третий. И этот мужик слинял.

– Вот это уже ближе к теме, – обрадовался Девяткин. – Что за наколки были на плечах Перцева? Блатные?

– Нет, фраерские, – помотал головой Кулик. – Что-то вроде китайского дракона. И еще смерть с косой. Топорная работа. Кустарщина.

– Что дальше?

– Ваш Перцев явился через пару дней, когда была Ромкина смена. Хотел войти в его кабинет, но я столкнулся с клиентом в коридоре и сказал, что все вопросы тут решают только через меня. Перцев зашел. Сел на стул, на котором сейчас сидите вы, и выложил из папки многоцветный рисунок. Очень приличный, профессионально сделанный. Он сказал, что Рому ему рекомендовал один приятель. Хотелось сделать такую наколочку именно у него. Ну, я прикинул величину рисунка. У нас величина рисунка и, соответственно, цена наколки исчисляется пачками сигарет. Одна пачка по моим расценкам – триста американских колов. Его наколка тянула пачек на двенадцать-тринадцать, почти во всю спину. Я назвал ему цену, он сказал, что нет проблем. Перцев отслюнявил задаток – пять сотен. И я отправил его к Роме. И все.

– Что значит: и все?

– Клиент больше не появился. Ему назначили день и час, а он не пришел. Это ведь непростая процедура, болезненная и продолжительная. Долгая канитель делать такую наколку по заказу, мастеру надо серьезно готовиться. А Перцев даже не позвонил. Как в воду канул. Ну, пятьсот баксов ему улыбнулись. У нас так: не пришел вовремя – бабки пропали.

– Можно пошептаться с Ромой?

– Я его турнул пару месяцев назад, – ответил Кулик. – Во-первых, он кадр ненадежный, выпивающий. Во-вторых, на руку не сдержан. Клиент ему что-то сказал не по теме. А Рома развербанил человеку рыло и вышвырнул его в окно. Хорошо падать невысоко – первый этаж. Я полдня извинялся. Рома вылетел отсюда следом, как пробка из бутылки. Мне по барабану, что он крутой мастер.

Кулик накорябал на отрывном листке адрес и телефон:

– Только вы поосторожнее, когда пойдете к нему в гости. От этого придурка жди только одного – неприятностей.

– А мне по жизни ничего, кроме неприятностей, и так не достается.

Девяткин сунул бумажку в нагрудный карман и с чувством тряхнул руку хозяина салона. Во время прощального дружеского рукопожатия Кулику показалось, что его ладонь прищемили дверью.

* * *

В кафе «Лукоморье» Дунаева приехала на полчаса раньше назначенного времени, она заняла столик у окна. Не снимая солнечных очков, закрывающих пол-лица, по диагонали просмотрела меню и выпила большую чашку кофе. Через витрину были видны разогретый солнцем тротуар и редкие прохожие, плывущие в знойном мареве. Народу в этот будний день в кафе было немного. Группа девушек и парней сидела у стойки бара, пробавляясь фруктовыми коктейлями. За столиками – в основном женщины, заворачивающие сюда, чтобы полакомиться свежими пирожными и кофе со взбитыми сливками. Пахло корицей и горячим шоколадом, на большом плазменном экране, укрепленном на противоположной стене, крутили короткометражные мультфильмы.

Сына привели, как договаривались, ровно в половине первого. Худой долговязый мужчина приоткрыл дверь, и порог переступил худенький, коротко стриженный мальчишка в бейсболке, майке, выгоревшей на солнце, и синих шортах. Осмотревшись, он не сразу заметил Дунаеву – и увидел ее, только когда Ольга Петровна позвала сына по имени и помахала рукой. Подбежав к столику, Максим чмокнул маму в щеку, сел напротив нее.

– Мама, а почему ты в этих очках? – спросил Максим.

– Глаза от солнца болят, – сказала Ольга Петровна. – И еще не хочу, чтобы меня узнавали.

– Некрасивые очки. Большие.

Через минуту официант поставил на стол большую порцию бананового мороженого с орехами и клубничный коктейль. Максим ел молча, то и дело оглядывался через плечо на экран, будто никогда не видел этих мультфильмов. Ольга Петровна поглядывала на водителя мужа, сидевшего неподалеку от двери. Он пил кофе и тоже смотрел мультфильмы.

– Ну, как твои дела, расскажи… – Ольга Петровна смотрела в лицо сына. За последнюю неделю мальчик немного загорел.

– Никак, – вздохнул Максим. – Папа утром сказал, что сегодня хотел отвезти меня в аквапарк. А потом на аттракционы. Но все отменяется, потому что «у тебя свидание с мамочкой» – так он сказал.

– Твой папа обещает тебе аттракционы исключительно в те дни, когда ты видишься со мной. Он выделил для наших встреч полчаса в две недели. Именно в эти полчаса он готов тебя куда-то везти, но все время мешает встреча с мамой.

Максим шмыгнул носом и промолчал.

– К школе готовишься?

– Готовлюсь, – не отрывая взгляда от экрана, ответил Максим. – Папа мне карандаши купил и фломастеры. И еще краски купит. Папа говорит, что он как последний дурак должен торчать в Москве. Потому что будет суд. И он не может уехать отдохнуть, потому что ты выкинешь… Забыл это слово.

– Фортель?

– Да, фортель. А что такое фортель?

– Что-то вроде фокуса.

– Ты фокусы умеешь? – не дожидаясь ответа, ребенок повернулся к экрану. – А почему ты мне их раньше не показывала?

– Фортель – это не совсем фокус. Это неожиданный поступок… – Разговор пора было переводить на другую тему. – А тетрадки к школе купили?

– Тетрадки уже есть, – поморщился Максим. – А тетя Маша обещала ранец, спортивный костюм и новые кроссовки.

– Что еще за тетя Маша?

– К папе ходит. Волосы длинные у нее, красивые. Она их каждый вечер распускает. Надевает высокие сапоги, блестящие. И еще белый халат, как будто она врач. И с папой запирается. Ну, в его комнате. А мне телевизор включают. Чтобы я не слышал, как они там возятся. Только все равно слышно.

– И часто она ходит?

– Почти каждый день. Она говорит, что я буду спортсменом. Только я не хочу быть спортсменом. И еще она говорит, что я могу называть ее просто Маша.

– Машей пусть ее папа называет.

– Тетя Люся была лучше… – Мультик закончился, и Максим стал ложкой выковыривать из мороженого орехи. – Она не обещала, она просто приносила подарки и дарила их. Но папа ее прогнал. И назвал словом… Ну, я помню это слово. Но папа сказал, чтобы я это слово забыл, потому что оно нехорошее. И я ответил, что я его забыл. Сказать тебе, какое слово?

– Не надо, – покачала головой Ольга Петровна. – Словарный запас твоего папы я успела хорошо изучить. Все его словечки. Особенно плохие. Потому что хороших слов он знает не так уж много. А чего ты коктейль не пьешь? Клубничный, твой любимый.

– Папа говорит, что от клубничного одно место слипнется.

– Да, папа всерьез взялся за твое воспитание. Не устает обогащать твой словарный запас.

Вспомнив о своем подарке, Ольга Петровна вытащила из сумки и протянула сыну коробочку с желтой машинкой, копией автомобиля «ланча стратос» 1971 года. Максим собирал машинки, все полки в его комнате были заставлены такими игрушками, но на этот раз глаза не загорелись. Мальчик лишь грустно кивнул, вытащил машинку из коробочки и стал катать ее взад-вперед по столу. Значит, такой экземпляр в его собрании уже есть. То ли тетя Люся, то ли тетя Маша, то ли еще какая тетя, узнав о страсти мальчишки, уже подарили ему такую же машинку.

– А почему папа разрешает нам встречаться только раз в две недели? – спросил Максим. – И только на час или на полчаса? У тебя дел много?

– Не то чтобы много… – Ольга Петровна поправила очки. – Просто… Ну, так получилось. Потом, когда суд кончится, мы будем видеться чаще. Я очень на это надеюсь.

– И жить будем как раньше, вместе?

– Будем жить вместе.

– А этот суд скоро кончится? Папа говорит…

Водитель поднялся из-за стола, выразительно постучал пальцем по стеклу наручных часов. Значит, время вышло.

– Ладно иди, Максим. – Ольга Петровна поцеловала сына в щеку. – А ранец я тебе сама куплю.

Когда дверь закрылась, она прошла в туалет. Встав перед зеркалом, сняла очки и вытерла слезы платком. Потом вымыла лицо холодной водой и, закрывшись в кабинке, жадно выкурила сигарету.

* * *

Радченко лежал на топчане, страдал от жары и временами проваливался в дрему. Снился вчерашний день, когда из аэропорта он приехал по адресу, где в глубине двора, под тенью старых яблонь, его ждал флигель, увитый виноградом. Он видел сморщенную, как запеченная картошка, физиономию хозяйки – бабки Степаниды Рябовой, стол на дворе, копченую рыбу и вареную картошку – и еще бутыль самогона… Пожалуй, это было лишнее. И выпил-то он немного – старуху обижать не хотелось. Ведь она старалась. Но кто мог знать, что по своей убойной силе бабкин самогон страшнее атомной бомбы.

Открывая глаза, Дима глядел на потолок, на лампочку в прозрачном колпаке, на спираль из клейкой бумаги, на дохлых мух, прилипших к ней. Он десятый раз повторил себе, что надо подняться и ехать по делам, но провалялся бы еще час, если бы не звонок частного сыщика Игоря Тихонова. Радченко поднялся, потому что до стола, где лежал мобильник, не дотянуться.

– Слышь, командир, только что со мной связались из конторы… – Голос был напряженным. – Есть новости. Разумеется, новости неприятные. Одна центральная газета готовит материал о краснодарском деле. Статья будет опубликована через две-три недели. Ее делают два корреспондента, один из которых нарыл информацию в Москве, а второй выезжал сюда. Пробыл всего пару дней, поговорил с ментами, сходил в ресторан в компании какого-то полковника и отчалил. Значит, писать будет со слов ментов. Пока не известно, удалось ли корреспондентам узнать, что убитый Петрушин родной брат нашей клиентки. Если узнали – перспективы мрачные.

Радченко поднялся на ноги, попил теплой воды из бутылки.

– Ты поинтересовался: можно ли похерить эту статейку или тормознуть ее хоть на пару недель? Ну, договориться с этими борзописцами по-свойски?

– Люди из нашей конторы уже пробовали этот вариант, – ответил Тихонов. – Отпадает. Слишком много народа в газете знает про статью. Заместитель главного редактора, ответственный секретарь, заведующий отделом криминальной хроники. И так далее по алфавиту. Со всеми не договоришься. Времени у нас дня два-три.

– Через полчаса выхожу, – сказал Радченко. – Жди, где договорились.

На дворе старуха Степанида Рябова встретила гостя полупоклоном, поспешно сдернула марлю со стола, на котором были разложены остатки вчерашнего ужина: картошка, рыба и бутылка самогона с бумажной затычкой в горлышке.

– Прошу к столу. Перекусите, чем бог послал.

– Сначала пройдусь немного, – улыбнулся Радченко. – Перед тем как сесть за работу, надо… Надо мысли в кучку собрать.

Старуха закивала головой. По всему видать, московский гость – человек большого ума и высокой образованности: за весь вечер ни одного матерного слова не сказал. Старуха гостю тоже понравилась. Из вчерашнего разговора он понял, что жила Степанида одиноко, третий год ждала дочь и внуков из Питера, но те почему-то не ехали и к себе в гости не приглашали. В чужие дела она носа не совала, а дружбу водила только с двоюродной сестрой, живущей на соседней улице. Бабка суеверно боялась молнии, воров и еще боялась, что ее изнасилуют.

Радченко заспешил к калитке. Дошагав до магазина, завернул в рыночные ряды, купил шляпу из соломки. Нашел на стоянке белые «Жигули», сел за руль и укатил.

* * *

Встреча состоялась на выезде из города, на Елизаветинском шоссе, где начинаются земли учебного хозяйства «Кубань». Синяя «Газель», съехав с дороги, стояла в тени высокого тополя. Тихонов, долговязый мужик средних лет, отложил газету, когда увидел в зеркальце белую «шестерку» и Радченко, одетого в застиранную клетчатую рубашку, серые брюки и желтые сандалии. На голове соломенная шляпа, в руках потертый портфель из свиной кожи. В таком прикиде Дима напоминал клерка районной администрации, землемера или заготовителя кроличьих шкурок.

Усмехаясь, Тихонов вылез из кабины, встал за «Газелью», чтобы собеседники не были видны с дороги.

– Привет колхозникам, – сказал он.

– Ты, наверное, специально постарался: нашел единственную злостную самогонщицу на весь город, – кисло улыбнулся Радченко. – И определил меня к ней на постой. Чтоб я тут с катушек съехал.

Он поставил портфель на землю, присев на корточки, расстегнул замок и вытащил на свет божий пачку долларов, перетянутую резинкой.

– Это тебе не на пропой и не на баб, – начал Радченко. – А на добрые дела.

Он неторопливо, чтобы собеседник усвоил все сказанное и не приставал с вопросами, поставил задачу. По весне в теплые края стаями слетаются бродяжки со всей России. Среди этой пестрой публики попадаются смазливые девчонки. А где красивые женщины – там и криминальные трупы. Тихонову предстоит отмахать от Краснодара почти сотню верст, встретиться с капитаном милиции Измайловым и передать ему деньги. После шести, когда закроют тамошний судебный морг, Тихонов вместе с Измайловым погрузят в «Газель» тело неопознанной женщины; на вид ей около двадцати пяти лет, блондинка среднего роста. В морге есть и другие криминальные жмуры, но эта кандидатка – самая подходящая.

Тело найдено у железнодорожной насыпи четыре дня назад: то ли уже мертвую сбросили с поезда, то ли зарезали на месте. На теле несколько колотых ран и кровоподтеки. Ни вещей, ни документов рядом не обнаружено. Местные менты направили тело в судебный морг, там дактилоскопировали труп и поместили в так называемое хранилище, постройку на задах городской больницы. Морозильных камер в морге нет, а завтра обещали повышение температуры. Измайлов уничтожит карточку дактилоскопического учета, завтра составят акт, что труп кремирован, так как он не подлежит длительному хранению из-за жары. Неопознанные трупы сжигать запрещено, но из любого правила бывают исключения.

– Этот козырь я держал в рукаве до случая, – сказал Радченко. – Но теперь ждать нельзя. В половине первого ночи встретимся на берегу Кубани со стороны садовых участков и санатория «Солнечные дали». Проедешь мимо ворот санатория, тормознешь там, где обрывается асфальт. Я буду на месте. Работа дерьмовая, но надо ее сделать. Тело найдут уже сегодня. Будет анонимный звонок в милицию. Мол, вечером гулял по окрестностям. В укромном месте наткнулся на мертвую женщину. Менты найдут в ее кармане белый платок. А на нем рисунок помадой – крестик. Такие же платочки с крестиками краснодарский убийца оставлял в карманах своих жертв. Короче, журналисты после этой находки должны тормознуть свою статейку.

– Откуда ты знаешь Измайлова из тамошней ментуры? – Тихонов сунул деньги под комбинезон.

– Я его в глаза не видел, – ответил Радченко. – Он знакомый моего знакомого. Человек, который за определенную сумму может помочь. Короче, верный мужик. И ты не дергайся,

что он мент. И не задавай дурацкие вопросы. План наших с тобой действий я сочинил не по дороге сюда. Все варианты сто раз просчитаны еще в Москве.

– И вариант с газетой? С этой статейкой?

– И этот тоже, – кивнул Радченко.

– Когда вся эта параша закончится, мы махнем бабкиного самогона и все забудем, – сказал Тихонов. – Прощевай до вечера.

* * *

Частный дом на окраине Люберец, обнесенный штакетником забора, встретил Девяткина пением незнакомой птицы, усевшейся на ветке вишни. Повернув завертку, московский гость распахнул калитку, вошел на участок. По узкой тропинке между деревьями, добрался до крыльца и, не увидев кнопку звонка, постучал в дверь кулаком. Подождал и снова постучал. Долго не открывали, в доме кто-то был. В среднем окне, занавешенном полупрозрачной шторкой, в этот полуденный час горел свет.

Девяткин был готов к тому, что встретят его не слишком любезно – хозяин этой берлоги, мастер татуажа Рома Крайнов, мужчина скорый на руку и собой видный: шестьдесят второй размер и рост метр восемьдесят семь. Попадешь такому на кулак – зубы долго не соберешь. Но встреча оказалась совсем не напряженной. Открыв дверь, хозяин заглянул в красную книжечку, кивнул и, отпихнув ногой кошку, предложил Девяткину войти, заявив, что терок с милицией у него нет и не было. Через сени по коридору прошли в комнату, залитую светом. На длинном столе лежала коротко стриженная девица, раздетая до пояса. На ее плече была укреплена пергаментная бумага с рисунком двух целующихся колибри.

– У меня тут небольшая халтура подвернулась, – Крайнов обернулся к гостю, – но раз вы пришли, перенесу это дело.

– Перенесешь? – Девица посмотрела на художника снизу вверх и шмыгнула носом, будто хотела заплакать от обиды. – Ты же обещал.

– Завтра приходи. – Крайнов снял с плеча девушки пергаментную бумажку и приказал ей освободить стол и убраться отсюда в темпе вальса.

Девица, не стесняясь своей наготы, неторопливо слезла вниз. Все так же неспешно, чтобы гость успел оценить свежесть ее молодого тела, изгибы талии и бедер, натянула майку на бретельках и жилетку. Плюнула на пол и сказала:

– Когда в следующий раз вздумаешь потрахаться на халяву, мне не звони. Даже не вспоминай. Поищи другую дуру.

И вышла, хлопнув дверью. Крайнов выключил лампу в стальном отражателе, укрепленную над столом, и повернулся к гостю:

– Чем могу? Может, интересуетесь нательной живописью?

– Ни боже мой, – помотал головой Девяткин и без лирических отступлений пересказал свою историю. – Людям моей профессии нательная живопись мешает делать карьеру. Да и вообще… Собственно, меня волнует только тот человек по фамилии Перцев, что заходил к тебе в салон. А потом пропал.

Художник поскреб пальцами шею. Толстая грудь и высокий живот Крайнова были покрыты разноцветным восточным орнаментом и письменами на неизвестном науке языке. На левой сиське – орден Знак почета, на правом плече – погон полковника французской армии времен Наполеона. На предплечьях – драконы со свирепыми мордами прятались в гуще экзотических цветов. Бритая наголо голова лоснилась от пота, из одежды на художнике были только шорты, которые поддерживали широкие красные помочи. Крайнов оттягивал резинки и отпускал их. Помочи били по телу, рисунки на груди колыхались.

– Не каждый день такое увидишь? – усмехнулся хозяин, ткнув себя пальцем в грудь. – Сам колол. Перед зеркалом. Два месяца эскизы делал и две недели работы.

– В этих буквах и знаках есть какой-то смысл?

– Безусловно. Но это долгий разговор. А у меня со временем полный кирдык.

Он поманил Девяткина в соседнюю комнату. Там на открытых полках и стеллажах, занимавших три стены, стояли всякие безделушки вроде черепов обезьян, очень похожих на человеческие. В банках с формалином плавали ящерицы, тритон и пара рыбьих голов. Еще было полно альбомов с репродукциями старых мастеров и глиняных кошек-копилок, расписанных вручную. Отдельно, в застекленном книжном шкафу, у окна, стояли разноцветные пластиковые папки с надписями на корешках: «молнии», «цветочные мотивы», «светящиеся сердечки», «тигры», «стрекозы и бабочки»…

– Сначала два слова о моей работе, чтобы вы въехали в смысл происходящего, – Крайнов взял с подоконника бутылку пива и открыл пробку зубами. – В конторских папках я держу трафареты или готовые рисунки, которые показываю заказчику. Это очень облегчает жизнь. Ну, заваливает ко мне какой-нибудь чувак и говорит, что хочет посадить на плечо ящерицу или тритона, а на запястье руки морду Элвиса Престли или мертвяка в короне. Пожалуйста, у меня большой выбор. Остается посмотреть альбомы, то есть папки. Потом я выбриваю тело, обезжириваю кожу, наношу антисептик. Наклеиваю на тело лист бумаги с рисунком и беру машинку. Вы скажете, что такая халтура ниже моей квалификации.

– Я ничего не скажу, – помотал головой Девяткин. – Бывает, я и сам халтурю, хоть и мент. Грешен.

– Ну, не вы, так другие так скажут. На самом деле нельзя каждый раз создавать произведение искусства, шедевр. Не схалтуришь, будешь сидеть без гроша и лапу сосать. Но иногда я работаю не за бабки, а для души. И у меня есть репутация. Вот почему ко мне обращаются не только местные шлюхи, но люди с деньгами и художественным вкусом. Приходят по рекомендации. Вот и этот Перцев тоже сказал, что ко мне его сосватал один знаток татуировок. Назвал фамилию, но я сейчас не вспомню. Ему хотелось чего-то особенного. Короче, он пришел со своим рисунком.

* * *

Крайнов долго копался в полках, перебирая папки. Наконец нашел, что искал, и протянул гостю сложенный вчетверо лист бумаги. Девяткин подошел ближе к окну, развернул лист. По синему морю шел трехмачтовый парусник, алые паруса наполнял ветер. Такелаж прорисован очень тщательно, со знанием дела. Парусник и море обрамляли ветви лаврового венка – символа победы. Над кораблем развернул широкие крылья орел, открывший хищную пасть. Под лавровыми листьями – огромный спрут, раскинувший щупальца.

– Я забрал эту картинку, чтобы перевести на кальку. – Крайнов забулькал пивом. – Но клиент уплыл, как этот парусник. И визитки не оставил.

– Похожие татуировки я видел у блатных, – сказал Девяткин, разглядывая рисунок. – Парусник – это символ вечного бродяги, странника. Точнее – гастролера. Если паруса белые, значит, вор. Черные – гопник. Число мачт равно числу судимостей. Странно… У человека, который мне нужен, до недавнего времени не было проблем с законом.

– Перцев не блатной. – Крайнов откупорил зубами вторую бутылку пива. – Вору колят парусник на грудь или на бедро. А он хотел на спину. И паруса красные. У этого кадра спина как у качка. Он напрягает мышцы, паруса раздуваются. Эффектно смотрится. По-моему, в этом паруснике романтический смысл. Возможно, есть женщина, которую он любит. К ней он обещал приплыть под алыми парусами и забрать с собой. А картинку рисовал профессионал. Все пропорции точно соблюдены, видны перспектива, детали. Там и подпись

внизу. Все художники, заканчивая рисунок, расписываются. Это придает работе законченность. Поэтому я и говорю – профи постарался.

Девяткин прищурился, разглядывая подпись. Буквы мелкие, но четкие, написано остро отточенным карандашом: О. Петрушин. Девяткин на минуту задумался. А ведь фамилия певички с Рублевки – Петрушина. И ее брат, ныне покойный, тоже Петрушин. Кажется, Олег. И по образованию он художник. Не он ли постарался перед смертью? Впрочем, мало ли на свете О. Петрушиных. Девяткин поблагодарил Крайнова за помощь и спросил, можно ли забрать рисунок.

– Для родной милиции ничего не жалко. – На физиономии отразились душевные сомнения. – Хотя мог бы и мне пригодиться. Ладно, берите.

– Но если клиент вдруг нарисуется, позвони мне. Сразу звони, не тяни. Этот Перцев – опасный тип. То есть очень опасный.

– Я так и понял. Он за поясом ствол носил. Когда там, в салоне «Викинг», он раздевался, чтобы я посмотрел на его спину, я увидел ствол. А Перцев перехватил мой взгляд, подмигнул мне и переложил пушку в карман штанов.

– О чем вы разговаривали?

– Только о наколках. И на общие темы. Он спрашивал, как долго носить повязку. Чем смазывать кожу, когда спина станет заживать. Он не слишком шурупил в этих делах. А, вот чего… Я сказал, что кожа у него не смуглая, значит, красителей потребуется меньше, а работа займет дней пять. Ну, это как пойдет. Тогда он спросил, нельзя ли управиться поскорее. У него билеты в Краснодар на субботу.

– Точно, в Краснодар?

– Сто процентов.

Девяткин вложил в ладонь художника бумажку с номером мобильного телефона и ушел. Направляясь от дома к машине, он думал, что в жизни много всяких совпадений, большей частью случайных. Рисунок профессионала и фамилия Петрушин на бумаге, – тоже совпадение. Скорее всего, это именно так. Но догадку можно проверить, то есть легко проверить, если прямо отсюда заехать в НИИ МВД и озадачить своей просьбой одного хорошего эксперта-криминалиста. Пусть сравнит подпись под картинкой с образцами почерка Петрушина, которые есть в распоряжении краснодарского УВД. Если все склеится, если совпадет, можно поискать следы Перцева в тех краях, где жил художник, среди людей, которые знали покойного. Девяткин повернул ключ в замке зажигания, сказал себе, что вариант с художником так себе, совсем хлипкий. Но в жизни чего только не случается.

Глава шестая

Из оврага тянуло гнилью и сыростью, а ночная мгла сделалась непроглядной. Женский труп, завернутый в мешковину, вытащили из кузова «Газели». Игорь Тихонов, отказавшись от помощи напарника, погрузил скорбную ношу на плечи и начал спускаться с дороги по откосу. Радченко шагал впереди, освещая путь фонарем. Желтый световой круг выхватывал из темноты стволы деревьев, заросли сорного осинового подлеска и трухлявые пни.

Тихонов пыхтел, ставил ноги осторожно, стараясь не оступиться и не загреметь вниз. Склон сделался ровнее, ряды деревьев словно расступились, давая дорогу. Тихонов не захотел передохнуть до тех пор, пока не придут на место. Впереди, невидимый в высокой траве, бежал ручей. Радченко, перебравшись через воду, хотел протянуть руку Тихонову, уже изрядно выдохшемуся, но не успел. Игорь, поскользнувшись на скользком камне, не удержал равновесия и упал, сбросив с плеч женское тело. Минуту он сидел в воде, не находя сил подняться, наконец ухватился за ладонь Радченко и, матерясь, встал на ноги.

– Теперь моя очередь.

Радченко передал фонарь напарнику, наклонился, взяв тело, рывком поднял на грудь и ловко перевалил на плечи. Стараясь не поскользнуться, он двинулся вперед черепашьим шагом. Разросшаяся в низине осока доставала до пояса, стелился туман, в сандалях хлюпала вода, а лоб покрылся испариной. Едва видный световой круг казался таким блеклым, будто впереди выросла темная стена, сквозь которую нет прохода. Но вот обозначился контур поваленной сосны, Радченко, обошел дерево, сумев не зацепиться за ветки. Слышно было, как под ногами шуршат прелые прошлогодние листья. Радченко чертыхнулся, вспоминая, куда идти дальше. Если судить по карте, внизу за сосновыми посадками и ручьем начиналась дорожка, ведущая от санатория вдоль реки к пансионату «Ударник». Но тропинки почему-то не было, хотя, кажется, они держатся в правильном направлении.

– Хрена тут смешного? – Радченко хотел повернуть голову назад, но мешало женское тело. Оно давило на плечи, будто покойница, с виду хрупкая, весила не меньше центнера. – Я спрашиваю: хрена тут смешного?

– Ни хрена, – ответил Тихонов и снова засмеялся.

– Так чего ты ржешь, как тварь?

– Я серьезен, чувак, серьезен.

– Сейчас дойдем до места, и я разобью твою морду, – пообещал Радченко.

– Это еще бабушка надвое разлила, кто кому морду чистить станет, – отозвался Тихонов, но смеяться перестал.

Дорожка, посыпанная мелким гравием, вынырнула из темноты. Теперь Радченко чувствовал себя лучше, они не сбились с пути, они почти на месте. На мгновение за деревьями стала видна широкая лента реки. Хрипло загудел буксир, тащивший за собой огромную баржу, груженную песком. По склону прошли вниз еще метров тридцать, остановились у ближних деревьев, за высокими кустами. Радченко сбросил труп с плеч, сел на влажную от росы траву, чувствуя, что ноги сделались ватными.

Он прикурил сигарету, глубоко затянулся. Из-за синей тучи выплыла молодая луна, залив млечным светом изумрудную траву. Мешковина сбилась на сторону, открыв лицо покойницы. Радченко подумал, что при жизни женщина была весьма привлекательной. Вздернутый носик, чистый лоб и пухлые губки. Казалось, женщина прилегла вздремнуть и скоро проснется. Иллюзия быстро рассеялась. Это не было лицо живого человека. Спутанные темные волосы, ножевой порез на левой скуле, ссадина под глазом, синеватая одутловатость щек.

Снизу от реки послышались мужские и женские голоса. Подал голос невидимый за деревьями прогулочный теплоход. Радченко хотелось почесать зудевшие ступни, но для этого пришлось бы снять желтые сандалии. А сил оставалось на самом донышке.

– Надо было ее там оставить, – сказал Тихонов. – Перед ручьем. В низине. А не переться сюда через этот бурелом.

– Не трынди, умник. Без тебя разберусь. Тела мертвых женщин тот урод убийца в двух случаях оставил неподалеку от реки. В местах, где ходят люди. Третью жертву нашли на обочине в придорожных кустах. Трасса Краснодар – Тимашевск. Четвертая лежала в городском парке неподалеку от дорожки. Там днем ходит служивый люд, а ночью целуются парочки. Наше место выбрано идеально.

– У тебя всегда был изощренный преступный склад ума, – засмеялся Тихонов. – Мыслишь, как маньяк.

– Все, за дело… – Радченко погасил окурок о подметку и сунул его в карман штанов. – Или ночевать тут останемся?

Минут через десять все было кончено. Тело освободили от мешковины, кое-как забросали сухими ветками и полуистлевшей прошлогодней листвой. Ментам, которые по анонимному звонку выедут на место, не придется искать слишком долго. Радченко сунул в карман сарафана белый батистовый платочек, на котором помадой был нарисован крест. Следом за Тихоновым он стал подниматься вверх по склону. Оглянулся, но не увидел ничего: месяц успел спрятаться за облаком.

* * *

Место и время для встречи с милиционером Дунаева выбрала сама. Местом оказалась большая автомобильная стоянка в районе Волгоградского проспекта, а не модный клуб, где еду подают не официантки, а профессиональные топ-модели или манекенщицы. И время не самое удобное: два часа ночи. Когда Девяткин прибыл на место, мигнули фары «мерседеса», и он, прошагав два десятка метров, пересел на переднее сиденье чужой машины.

– Что за конспирация? – спросил Девяткин вместо приветствия. – Ночами я сплю.

– А я думала, сидите в засадах. Убийц и грабителей караулите. В это время мне проще выбраться из поселка и удобнее вернуться обратно. Кстати, это вы попросили меня о встрече. А не я навязалась на вашу голову.

– Ладно, проехали. Я ведь по служебной надобности к вам обращаюсь, а не автограф взять.

– Господи, я так жалею, что связалась с милицией… – голос Ольги Петровны дрогнул. – Жалею – это не то слово. Но, черт побери, уже ничего не исправить. Дура я последняя.

– Отчего же?

– Оттого что милиционеры продадут эту историю газетчикам за хорошие деньги. Обязательно продадут. Это лишь вопрос времени. Неделя, месяц… О моем родстве с Олегом Петрушиным знали только близкие люди. В газетных интервью я старалась не касаться темы родственников. Менты, простите, милиционеры из Краснодара не были в курсе дел. И в московском ГУВД о моем брате знаете только вы и ваш непосредственный начальник. Но шила в мешке не утаишь.

Девяткин не нашелся с ответом, лишь пожал плечами. Утечка информации не исключена. В милиции хватает людей, которые умеют заработать на чужом горе. Случится утечка – Дунаевой не позавидуешь. На нее выльют столько помоев, что в этих нечистотах можно будет захлебнуться.

– Сейчас муж шантажирует меня, – продолжала Дунаева. – Он требует, чтобы все движимое и недвижимое имущество после развода я отписала ему. Дорогую квартиру в Москве,

дом на Рублевке, три автомобиля и все мои деньги. Сейчас, до решения суда, на все имущество и на мои деньги наложен арест. Я не имею права продать даже серебряную ложку из столового сервиза. Но это не самые большие потери. Гвоздев настаивает на том, чтобы Максим остался с ним. А взамен бросает мне кость с барского стола: разрешает видеться с ребенком каждую неделю. В дальнейшем он сделает так, что ребенок сам не захочет встречаться с матерью.

– Ему – деньги и недвижимость, – кивнул Девяткин. – А что получаете после развода вы?

– Он обещает одно: как бы ни развивались события, Максим никогда не узнает эту историю с братом, убийствами женщин. А Гвоздев, даже если вся эта грязь попадает в газеты и на телевидение, не станет полоскать мое имя. Не даст ни одного интервью. По совету адвоката я откладываю судебный процесс. Затягиваю его, насколько это возможно. Мне кажется, еще можно доказать, что к убийству этих женщин Олег не имеет отношения. В суде нам дали еще один последний месяц. Если это время не использовать…

– Мне искренне жаль, – сказал Девяткин.

– Вы назначили встречу только для того, чтобы сказать это?

– Хочу задать пару вопросов. Когда вы последний раз видели брата?

Дунаева на минуту задумалась:

– За неделю до его гибели я приезжала в Краснодар. О моем приезде никто не знал, кроме него. Олег находился в стесненных обстоятельствах. Я хотела передать ему немного денег.

– С какой целью? Он ведь с голоду не опух.

– Милиция не оставляла брата в покое. Дважды задерживали, проводили обыски в доме. Я сказала: надо сунуть взятку кому-то из местных чинов, чтобы от него отвязались. Менты хотят закрыть дело об убийствах. А ты станешь козлом отпущения, потому что встречался с той девчонкой. Олег начал кричать как сумасшедший. На него иногда находило. Орал, орал. Ты только хуже сделаешь со свей взяткой, езжай обратно, чтобы больше сюда ни ногой. Ничего, кроме ругани, не получилось. Я уезжала с тяжелым сердцем, будто предчувствовала, что произойдет что-то страшное. Оказалось, это наше последнее свидание.

– Вот этот человек вам случайно не знаком?

Девяткин включил верхний свет и вытащил фотографии Перцева.

– Нет, никогда не видела, – покачала головой Ольга Петровна. – А я на память не жалуюсь. А почему вы заинтересовались этим мужчиной?

– Я спросил, потому что этот тип частенько бывал в Краснодаре. Возможно, жил там. Гражданин проходит у нас по одному делу.

– По делу об убийстве? Женщин?

– Нет, по делу о мошенничестве, – соврал Девяткин. – Втирался в доверие к коммерсантам, продавал им векселя солидных компаний. А когда покупатели шли в банк обналичить ценные бумаги, оказывалось, что они фальшивые.

Он вежливо попрощался и поблагодарил Дунаеву за содержательную беседу и потраченное время.

* * *

Обратно до «Газели» добирались по тропинке, присыпанной белым гравием, хорошо видной в темноте. Радченко выключил фонарь и немного отстал от Игоря Тихонова, шагавшего слишком быстро. Панорама реки снова открылась, Радченко залюбовался на перламутровое свечение воды и на теплоход с освещенной верхней палубой. Корабль медленно

удалялся от города. Еще пятьдесят метров – и путники вышли на грунтовую дорогу, поднимавшуюся вверх.

– Подожди наверху, мне камень в сандаль попал.

Радченко присел на траву и долго копался с застежкой, освобождая ногу. Вокруг ни души, но Дима не стал включать фонарь. Камешек оказался маленьким кусочком гранита с острыми краями. Поднявшись на ноги, Радченко взял фонарь. Прошагал вверх еще метров двадцать, здесь дорога делала крутой поворот, заворачивая налево. До «Газели» оставалось всего ничего, когда сверху послышались тихие голоса. Только бы не попался на глаза какой-нибудь отдыхающий, полюбивший ночные прогулки при луне. Радченко отступил к обочине, готовый спрыгнуть с дороги вниз, в заросли высокой травы и кустарника, но узнал голос Тихонова. Тот сказал несколько слов, но смысла не разобрать: слишком далеко. Радченко, зажав в ладони длинную ручку фонаря, зашагал быстрее. Притормозил у поворота, прислушался.

– Я же говорю, парни, сигареты дома оставил, – повторил Тихонов.

Впереди вспыхнул фонарь, кто-то направил свет в лицо напарника. Радченко разглядел трех парней, стоявших на дороге рядом с «Газелью». Один высокий, крепкого сложения, двое других помельче. Видимо, возвращение водителя помешало хлопцам покопаться в кабине и кузове. Парни были немного разочарованы, но уходить не хотели – видно, уже решили, что долговязый водила в застиранном комбинезоне конечно же не жирный гусь с тугим бумажником, но хоть какие-то деньги у него наверняка водятся. И этих денег хватит, чтобы продолжить ночные развлечения. А ближе к утру, глядишь, пьяненький фраер встретится, из курортников.

– Ты, значит, не местный? – спросил здоровяк, не убирая фонарь от лица Тихонова.

– Ну, как вам сказать… – Игорь оказался неготовым к встрече, поэтому слова подбирал с трудом. – Что значит местный… По делам в городе. Мотался целый день как проклятый, а под вечер думаю: чего бы не искупаться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.